



Тайный Город

Вадим Панов

**Тень Инквизитора**

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2003

**Панов В. Ю.**

Тень Инквизитора / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,  
2003 — (Тайный Город)

ISBN 5-699-10538-7

И вновь над обителью магов и чародеев, потомков исчезнувших древних рас, – Тайным Городом, незримо для посторонних глаз раскинувшимся на берегах Москвы-реки посреди современного мегаполиса, нависла угроза уничтожения. Уже запылали первые костры, уже пролилась кровь несчастных, приносимых в жертву вечному стремлению к мировому господству. Кажется, что все готово для начала новой войны, и вновь на Землю придут времена Инквизиции. Кому же выгодно поссорить людей и жителей Тайного Города? Кто этот таинственный кукольник, дергающий веревочки судеб и событий? И ведомо ли ему, что иногда марионетка может управлять своим кукловодом?

ISBN 5-699-10538-7

© Панов В. Ю., 2003

© Эксмо, 2003

© Панов Вадим, 2003

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

# Вадим Панов

## Тень Инквизитора

*Я емь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – Виноградарь;  
Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую,  
приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.  
Евангелие от Иоанна*

### Пролог

**Забайкалье, Читинская область,  
деревня Верхние Каменки.**

**Два года до описываемых событий.**

Дожди в этом году зарядили с августа, аккурат с Преображения. Но в первую послепраздничную неделю они лишь моросили, превратив остаток лета в тоскливые, подернутые водяной пылью будни. А вот с началом сентября перешли в полноценные ливни и сварили из единственной дороги, связывающей деревню с миром, неприличную грязную кашу. Впрочем, распутица не была здесь в диковину, а аборигены, автопарк которых составляли разномастные джипы и небольшие грузовики, даже радовались этому времени, в течение которого замкнутый мирок Верхних Каменок гарантированно не подвергался нашествию чужаков.

Чужих здесь не привечали.

– Губернатор хочет на второй срок избраться, всю область заасфальтировал, какого черта вы сопротивляетесь? – Полицейский, толстый, с большим мягким носом и большими губами капитан, расстроено осмотрел свой покрытый грязью бело-голубой джип. Точнее, полицейский помнил, что джип должен быть бело-голубым. – За переправой чуть ось не потерял!

– Это вы, Степан Васильевич, как брод прошли, правее, должно быть, взяли? – осведомился его собеседник, кряжистый, плечистый мужик, с аккуратно расчесанными на пробор волосами. – Так там в этом году, наоборот, левее надо выезжать, справа яма образовалась.

– Яма! Григорий, какая яма? – Полицейский коротко ругнулся. – Яма, брод, яма, болото... Сидите здесь, бирюки бирюками.

– Привыкли. – Мужик усмехнулся.

На фоне помятого и злого полицейского он выглядел необычайно благообразно. Чистый костюм, чистая рубашка, брюки заправлены в начищенные до блеска сапоги, старательно подстриженная бородка. Григорий был ниже капитана, но шире в плечах и буквально дышал могучей силой, настоящим, мощным простором сибирской тайги... вот только левый рукав его пиджака был зашит, напоминая о давней и крайне неудачной встрече с шатуном.

– Яма! Привыкли! – Капитан вздохнул. – Зачем вызывал?

Эмоции, вызванные пробуждением в четыре утра и сотней миль непролазной грязи, улеглись, и полицейский решил, наконец, поинтересоваться, для чего глава администрации зате-

рянной в тайге деревушки разбудил его среди ночи и потребовал немедленного, НЕМЕДЛЕННОГО, прибытия.

– В дом, пожалуйста, – предложил Григорий. – Жена доила уже, молочка парного с дороги попьете, а я расскажу, как и что.

– Говори здесь. – Полицейский достал из джипа термос с крепчайшим кофе и закурил сигарету. – Не хочу в дом, на прохладе останемся.

– Можно и здесь.

Дождь прекратился несколько часов назад, и желание капитана насладиться чистым утренним воздухом было понятно. Мужчины присели на скамеечку у крыльца.

– Так что же случилось?

– Непокойно у нас, – просто ответил Григорий.

– Ага, – хмыкнул полицейский, – Мефодий вчера сапог порвал, а баба Нина сказала, что это не к добру?

– Вроде того, – не принял шутки однорукый. – У Федора две коровы сдохли, и я боюсь, как бы до смертоубийства не дошло.

– При чем здесь убийство? – не понял капитан. – Коровы сдохли?

– Две.

– Отравили?

Григорий опустил глаза.

– Почти.

– Что значит «почти»?

– Вся деревня знает, что сгубила коров Пелагея.

– Отравила? Свидетели есть? Пастуха допросить надо.

– Пастуха допрашивать не надо, – поморщился однорукый. Он тоже достал сигарету, ловко прикурил и, выпустив куда-то вниз первый клуб дыма, тихо добавил: – Ведьма наша Пелагея. Ведь-ма.

– Пил? – угрюмо спросил полицейский, чувствуя, как из глубины души накатывает волна бешенства. Три часа по бездорожью! В четыре утра из дому выскочил! Врезать бы ублюдку по башке как следует!

– Я не пью, – так же тихо продолжил Григорий. На капитана он старался не смотреть. – Места у нас такие, Степан Васильевич: без колдунов никак не обойтись. Случись что – не дозовешься. Ты вон через три с половиной часа только приехал, а уж как я тебя звал... Про врача или ветеринара я вообще не говорю. – Однорукый сплюнул. – А Пелагея и зубы заговорить может, и боль снять, от живота присоветовать, и вообще...

– Что вообще?

– Дождь может вызвать или прогнать.

– Что ж не прогнала? – Полицейский с ухмылкой кивнул на перепачканный джип. – Без дождя я бы за полтора часа доехал.

Он видел, что Григорий действительно верит в то, что говорит.

– А ты, Степан Васильевич, если интересно, по полям нашим прокатись, – предложил однорукый. – Или по пастбищам.

– А что на полях? – насторожился капитан.

– Там воды такой нет, мимо тучи идут.

– Пелагея ими правит?

– Угу.

– Дела...

Полицейский налил себе еще кофе и, сделав большой глоток, блаженно зажмурился.

В том, что в глухой деревушке есть своя колдунья, не было ничего странного. Если уж в городских газетах постоянно натыкаешься на предложения: «Порча, сниму 100», то здесь,

среди тайги, как говорится, сам бог велел. Другое дело, и в этом Степан был убежден, в этих деревенских бабках действительно что-то есть. Тайна какая-то. Сила. Во всяком случае, лет десять назад такая вот Пелагея зубы ему заговорила. Да так заговорила, что до сих пор капитан не ведал дороги в кабинет стоматолога.

Ситуация вырисовывалась ясная. Устойчивая репутация сыграла со старухой злую шутку – как только возникла проблема, во всем обвинили ее. Надо успокоить мужиков, не допустить самосуда и выяснить...

– А от чего коровы сдохли?

– Ветеринар приезжал, – нехотя протянул Григорий. – Сказал, от разрыва сердца. Не выдержали, мол, буренки, тяжелой своей жизни.

– То есть все в порядке? В смысле, никакого криминала?

– Все знают, что коров сгубила Пелагея, – глухо повторил однорукий. – Некому больше.

– А с чего ей?

– Она с Федором поругалась. Внук ее с браконьерами городскими связался, Федор его полиции сдал, вот Пелагея и взбеленилась. – Григорий прикурил от бычка следующую сигарету, аккуратно затушил окурочек и убрал его в стоящую под скамейкой баночку. – Федор сначала осерчал крепко.

– Понимаю.

– Он с Пелагеей по-хорошему поговорить хотел, а она его того... Указала, в общем, дорогу на... Знает свою силу, старая. Охотников с ней разбираться никогда не было. Федор в Калиновку, к бабушке, да только тот вроде тебя оказался, грамотный. «Померли, – говорит, – коровки, значит, время их пришло». Тогда Федор на все дела плюнул и поехал в Читу. Не знаю, с кем он там говорил, но вчера вернулся с монахом каким-то, с проповедником. В общем, привез он монаха, тот собрал мужиков на «футболке», поляна это у нас за околицей, там детвора мяч гоняет, собрал и о чем-то беседовал.

– О чем?

Григорий пожал плечами.

– Только не говори, что тебя там не было.

– Ну, был, – буркнул однорукий. – Там мужиков всего пятеро было. А проповедник... – В голосе мужика скользнуло подлинное уважение. – А проповедник правильно все говорил. О Боге говорил, о вере, о том, что защищать ее надо.

– От кого?

– А ни от кого, – спокойно ответил Григорий. – Внутри себя защищать, крепким быть, соблазнам не поддаваться. Человека по делам судить, а не по словам. В общем, правильно все говорил. А сегодня с утра велел мужикам на площади собраться да остальных позвать. Ночевать у Федора остался. – Григорий опять достал баночку и скомкал в нее недокуренную сигарету. – Еще проповедник говорил, что смирение и покорность не одно и то же, что стоять на вере надо крепко и с такими же крепкими объединяться.

«Объединяться!» Слово раскаленной иглой проникло в голову полицейского, напомнив ходившие по Чите слухи о загадочной религиозной организации, чьи проповедники активно работали среди прихожан области.

– А этот монах случайно не из Союза ортодоксов? Не из Курии?

Однорукий кивнул.

– Оттуда.

– Вот дрянь! – не сдержался капитан.

Дело принимало совсем нехороший оборот: все эти религиозно-сектантские дела до смерти не нравились полицейскому. На последнем совещании в районном управлении полковник Колобков сообщил о появлении загадочного Союза ортодоксов и предупредил, чтобы

приглядывали за проповедниками. Но ведь это в городе. Степан был уверен, что уж в его-то глуши о такой экзотике и слыхом не слыхивали, и вот на тебе!

– Ты же говорил, что Пелагея добро делает. Дождь от полей отводит, зубы заговаривает... Чего же мужики не образумили Федора?

– Добро мы от нее видели, – пожал плечами Григорий. – Но коров она зря сгубила. И за это наказать надо ведьму. – Он помолчал. – Силу мы ее знаем, но шалить не позволим.

– Тогда чего меня позвал?

Однорукий усмехнулся.

– Потому что остудить мужиков надобно. При тебе, Степан Васильевич, они на смертоубийство не пойдут. А я не хочу, чтобы, значит, жизнь им ломать. Не стоят того коровы.

– А сам чего? Ты же здесь власть.

– Да какая я власть? – удивился однорукий. – Мужики сами все решают, а я так, чтобы бумажки переключивать. – Он кивнул на пустой рукав. – Ты, капитан, сам знаешь, почему меня в сельсовет определили, а теперь вот «главой администрации». Если бы не тот проклятый медведь, разве ж я стал бы такой ерундой заниматься?

– И сейчас бы с мужиками был? – жестко спросил полицейский.

– Был бы, – после короткой паузы ответил Григорий. – Потому как ведьму наказывать надо. – Он снова помолчал. – Но тебе бы все равно позвонил. У нас в роду все рассудительные.

Толпа в центре деревни не была большой. Мужики, человек двадцать – двадцать пять, плотно обступили высокого монаха в черной рясе, группа женщин стояла поодаль, не приближаясь, но внимательно слушая, что говорит проповедник. Дети, неизбежные спутники сходок, на этот раз отсутствовали. Когда полицейский и Григорий приблизились к собранию, монах замолчал, а мужики удостоили пришельцев мрачными взглядами. Несколько мгновений капитан рассматривал собравшихся, затем широко улыбнулся:

– Здорово!

– Доброе утро, – помедлив, отозвался чернявый, но с пробивающейся проседью здоровяк.

– Федор, – шепнул однорукий.

Остальные мужики ограничились невнятным бурчанием. Было видно, что появление представителя власти вызвало у них легкую досаду. Но и только. От своих планов они отказываться не собирались.

– Чего не работаем?

– Дела у нас, – коротко ответил Федор. – Важные.

– Дела у прокурора, а у вас работа. – Степан вздохнул. – Страда ведь.

– Ты, начальник, сначала на агронома выучись, а потом указывай.

– Я, может, и не агроном, – в голосе полицейского звякнул металл, – но самосуда не допущу.

– Самосуда не будет, – спокойно улыбнулся Федор.

– Божий суд, начальник, это покрепче твоей юстиции, – вставил еще один мужик.

– Самосуда не допущу, – повторил капитан.

– Не думаю, что вам стоит защищать ведьму, полицейский.

Проповедник произнес фразу очень негромко, но тишина, молниеносно установившаяся на площади, показала, с каким уважением местные относятся к монаху. Степан вспомнил, как приезжал сюда с помощником губернатора, с кандидатом в депутаты Государственной Думы, с главой районной администрации. Тогда тоже были собрания на этой самой площади, но всегда были такие, кто болтал в задних рядах или лузгал семечки, придя на сборище «за компанию». Проповедника же местные слушали очень внимательно, как никого другого, и это было плохо. Полицейский понял, что первый раунд он уже проиграл.

– Вы местный батюшка?

– Вы знаете, кто я, – бесстрастно ответил монах. Григорий опустил глаза. – В деревне нет прихода.

– Как вас зовут?

– Отец Иван.

– Вы священник?

– Да.

Высокий, лет шестидесяти на вид, проповедник поражал огнем, горящим в больших глазах. На сухом, морщинистом лице они выглядели живо и молодо, завораживали, привлекали внимание.

– Почему вы называете Пелагею ведьмой?

– Так сказали люди, – пожал плечами проповедник. – Они добрые христиане, православные, и я не вижу причин не верить им.

– В чем вы ее обвиняете?

– Господь не дал мне права обвинять, – терпеливо, как неразумному ребенку, объяснил монах. – Я могу лишь проповедовать, нести слово Его... и помогать.

– Чем помогать? Почему вы вообще решили, что в их словах есть хоть капля правды? Эти несчастные коровы...

– Степан Васильевич, – проповедник сделал маленький шаг к полицейскому и еще больше понизил голос. Теперь, несмотря на все усилия, собравшиеся на площади жители не слышали ни одного слова монаха. Он говорил только для капитана. – Степан Васильевич, не мешайте мне. Рано или поздно вы поймете, что я спасаю эту женщину. Спасая от них, спасаю от нее самой. Не мешайте мне.

– Я не допущу самосуда, – прохрипел полицейский.

– Если бы я захотел, Степан Васильевич, вы бы смогли добраться до деревни только к вечеру, но я уверен в вашей выдержке и благоразумии. Вы пойдете с нами и убедитесь в том, что я прав. Возможно, это укрепит вашу веру.

Отец Иван повелительно оглядел площадь.

– Мы пойдём к Пелагее сейчас!

Полицейский насупился. Мужики вокруг не буйнили, были трезвы, но он видел, что они уперлись. Теперь их не остановить. Можно было бы пойти на принцип, встать в позу, угрожать, но каждый из них охотник, у каждого дома ружье, а то и не одно, да еще и нарезное есть. Полицейский не верил, что мужики возьмутся за оружие, но проверять не собирался. Григорий говорил, что Федор пользуется большим авторитетом в деревне. Он был помощником лесника и тайгу знал, как «Отче наш». И мужики понимали, что Федор не из вредности, а от знания указывает им сроки и места охоты, контролирует вырубку и рыбалку. Для того, чтобы тайга и детям их осталась и внукам. Чтобы зверь не ушел и богатства не исчезли. Полицейский знал, что Федор уже «разбирался» и с китайцами, и с рвачами-браконьерами, и догадывался, чем заканчивались эти разборки. Тайга большая, но пускать сюда кого ни попадя мужики не хотели. Они здесь были хозяевами и терпеть ни от кого не собирались: ни от чужаков, ни от собственной ведьмы.

Зря, зря Пелагея связалась с лесовиками.

– Идут! – Таня посмотрела на старуху, и в ее глазах блеснули слезы. – Бабушка, они идут!!

– Все хорошо, милая. – Пелагея нашла в себе силы улыбнуться и погладить внучку по светлым волосам. Ее рука не дрожала. – Все хорошо. Ты поди через огород в лес. Поди, там побудь, а потом возвращайся.

– Я не хочу! – Девочка покачала головой. – Я с тобой.

– Я, милая, сама с ними поговорю, – спокойно сказала старуха. – Ничего они мне не сделают.

– Тогда зачем мне уходить?

– Так надо. – Пелагея стала серьезнее. – Я так хочу. Иди.

Таня послушно кивнула и медленно побрела к двери.

– Быстрее иди, – велела старуха.

И только убедившись, что осталась одна, Пелагея вышла к забору и тяжело оперлась на столб.

«Что ж, Федор, одного урока тебе оказалось недостаточно? Будет еще». Старуха была уверена в своих силах, и даже весть о каком-то монахе, которую принесла Таня, не заставила ее усомниться. Гораздо больше ее беспокоил полицейский.

«Надеюсь, у него хватит ума молчать о том, что увидит».

До дома старухи оставалось шагов двести.

К громадному облегчению капитана, мужики вели себя смирно. Шли к Пелагее молча, сосредоточенно, на лицах не было ярости или злобы. Мужики шли, как на работу, как на охоту, как в поле: спокойно, размеренно, но неотвратно. Хмурились, конечно, но лишнего себе не позволяли. То ли действительно побаивались ведьму, то ли сдерживало присутствие проповедника. Монах вышагивал первым, спина прямая, как палка, голова гордо поднята, в руках раскрытая Библия.

«Изгоняющий дьявола, – полицейский криво усмехнулся. – Ну, ладно, проповедник, посмотрим, что ты будешь делать, а уж потом, не обессудь, от вопросов тебе не отвертеться».

Что нужно Курии? Кто за ней стоит? Для чего дурачить мужиков, прикрываясь именем церкви? Дорога до города длинная, волей-неволей разговоришься...

Снова заморосил дождь. До дома ведьмы оставалось шагов сто.

«А не разговоришься, поедем в управление. Вызовем кого-нибудь из епархии и будем разбираться, кому в наши дни понадобилась охота на ведьм. Кому надо безобидных старух трогать...»

Капитан споткнулся и остановился, потрясенный простотой обрушившейся на него мысли.

«А чего ждать-то? Задурили мне голову совсем своими рассказами! Я тут власть или нет?! Не допущу произвола!!»

– Эй, мужики, может, хватит дурака валять? – Полицейский вытер мокрое от дождя лицо. – Взрослые же люди, а всяким сказкам верите!

Толпа приостановила движение. Степан видел, что мужики недоуменно оглядываются, озираются и не выражают никакого желания идти дальше. Даже решительный Федор отчего-то остановился.

– Старуха несчастная от страха не знает, куда спрятаться. Али вы не православные, мужики? Почто такие страсти здесь разводите? Федор!

– Да я что? – пожал плечами заводила. – Нашло на меня.

До дома ведьмы оставалось не более пятидесяти шагов, но капитан знал, что ни за что не пройдет их. Не нужно это, неправильно. Какие ведьмы в наши дни? Сами коровы сдохли, от жизни своей коровьей.

– Давай, мужики, вертай назад! – властно распорядился полицейский.

Проповедник окинул его насмешливым взглядом, чуть улыбнулся и вновь повернулся в сторону дома.

– Меня дождитесь.

– Не балуй! Стой, где стоишь!

Окрик у капитана получился грозным, но бессмысленным: монах спокойно, не замечая замешательства толпы, переступил незримую черту и направился к ограде. Остановить бы его,

задержать, но идти за отцом Иваном Степан не мог, а два его следующих крика захлебнулись в морозящем дожде.

– Зря этот пришлый на Пелагею нашу взъелся, – буркнул один из мужиков.

– Во-во, – поддержал его второй. – Старуха сроду никому ничего дурного не делала.

А растерянный Федор, стоящий совсем рядом с полицейским, недоуменно крутил головой, словно вспоминая, что за напасть привела его в этот конец деревни. Или же пытаюсь понять, что за сила остановила его в пятидесяти шагах от дома ведьмы.

– Только в Боге успокоивается душа моя; от Него спасение мое.

Только Он твердыня моя, спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь более.

В Боге спасение мое и слава моя; крепость силы моей и упование мое в Боге.<sup>1</sup>

Иван знал псалом наизусть, но раскрытая Библия придавала ему более кроткий, смиренный вид и должна была показать ведьме, что он не ищет ее крови. В том, что Пелагея колдунья, монах не сомневался: он чувствовал волну магической энергии, идущую к толпе от дома. Как не сомневался он и в том, что сумеет справиться со старухой. Иван прекрасно знал свои возможности и понимал, что одолеет и десяток таких вот Пелагеев. Хоть сразу, хоть по очереди.

– Однажды сказал Бог, и дважды слышал я это, что сила у Бога,

И у Тебя, Господи, милость; ибо Ты воздаешь каждому по делам его.

Очередной шаг дался с большим трудом. Воздух на пути проповедника стал вязким, подобно трясине обволакивал ноги, стремясь не допустить монаха к дому ведьмы.

– Нет тебе дороги сюда, человек!

Громовой голос, прокатившийся над деревней, услышал только Иван. Услышал и усмехнулся.

– Уж не ты ли преградишь мне путь?

– А если я?

– А силенок хватит?

Серьезного сопротивления Пелагея оказать не могла, но дров наломать – вполне, а потому Иван спокойно и веско дал старухе понять, кто контролирует ситуацию. Что могла противопоставить ему простая деревенская баба? Мощный удар скрутил ее невнятные заклинания и унес, как злой осенний ветер уносит желтые листья. Следующий удар закупорил магическую энергию внутри старухи, а затем осторожно, очень осторожно, развеял ее в дым, лишая Пелагею силы.

Иван перевел невозмутимый взгляд на раскрытую Библию:

– Перестань гневаться и оставь ярость; не ревнуй до того, чтобы делать зло.

Ибо делающие зло<sup>2</sup> истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю. – Он посмотрел на старуху. – Видишь, Пелагея, несмотря на все зло, что ты причинила этим людям, я стремлюсь сдерживать свой гнев, ибо верю в раскаяние твое. Ты еще можешь вернуться на указанный Им путь.

Ведьма вздрогнула, отвела глаза и хмуро проворчала:

– Ты хорошо спрятал свою силу, монах. Я не почувяла.

– А ты и не должна была, – жестко ответил Иван.

– Зачем ты пришел? Я живу здесь всю жизнь, я знаю этих мужиков с тех времен, когда они бегали на реку сопливыми пацанами. Это моя земля и мое дело.

– Меня позвали, – объяснил проповедник. – Позвали, потому что ты забыла, что живешь на этой земле, а не правишь ею. Потому что ты забыла, что с силой твоей мы мириться будем только до тех пор, пока она не употребится во зло.

---

<sup>1</sup> Псалтирь. Псалом 61.

<sup>2</sup> Псалтирь. Псалом 36.

– А не боишься, что на тебя управа найдется?

– Ты не раскаялась?

– Мне просто интересно, – с осторожной дипломатичностью ответила старуха. – Ты же понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю, – кивнул Иван. – Но пойми и ты, ведьма: ТОЛЬКО истинная вера творит истинные чудеса. То, о чем ты спрашиваешь, не от Бога, и со мной бороться им не следует.

– Инквизитор.

– Проповедник, – спокойно поправил ее монах. – Я несу слово Божие и укрепляю у людей веру в Него. Нет в моей руке меча, ведьма, но есть право на суд Его.

– Милостивый суд? – Старуха с надеждой посмотрела на отца Ивана. С надеждой и со страхом, отчаянно боясь увидеть в глазах проповедника зарево очистительного огня.

– Справедливый.

Озадаченные мужики подтянулись к забору.

– Это... – Федор неуверенно посмотрел на монаха. – Я не знаю, почему мы не пошли...

– В сомнениях пребывает идущий, но надо найти в себе силы преодолеть их на пути к истинной вере. – Отец Иван благожелательно оглядел мужиков. – Откройте свою душу, укрепитесь в вере, и сила Его любви поможет вам прожить праведно и не ошибиться.

Полицейский с облегчением понял, что до смертоубийства дело не дойдет. Но ведьма! Ведьма явно перепугалась! Что же сделал старый монах? Капитан откашлялся.

– В общем, так...

– Пелагея признала свою вину, – не обращая внимания на полицейского, продолжил отец Иван. Его пронзительные глаза устремились на поникшую ведьму. – И просит снисхождения. Она раскаивается... Так?

Старуха кивнула.

– Она заплатит Федору штраф в размере стоимости трех коров и еще десятую часть этой суммы передаст на нужды районной детской больницы. – Монах помолчал. – А епитимья, Пелагея, тебе будет такая: до начала зимы ты должна отправиться на богомолье в Троицу и там замолить свои грехи перед Господом. И еще месяц работать, где тебе монахи укажут.

– Да.

Проповедник развернулся и двинулся назад сквозь почтительно расступившихся мужиков, но напротив Григория остановился.

– Десятую часть того, что ты заработаешь в этом месяце, отдашь на богоугодные дела. И впредь не ставь суд человеческий выше Божьего суда. Не сомневайся в милости Его и любви.

## Глава 1

«Руководство Русской Православной Церкви до сих пор никак не отреагировало на появление Союза ортодоксов, более известного под названием Курия, светские власти также молчат, явно не собираясь вмешиваться в дела Церкви. Тем временем деятельность уличных проповедников становится все шире и шире. Центры Союза, объединяющего православных граждан, замечены во всех крупнейших городах России, и некоторые СМИ уже поспешили прилепить к этой организации ярлык „черносотенной“. Мы хотим разобраться...»

(«Известия»)

«Широкая рекламная кампания, которую развернул Биджар Хамзи по всем каналам „Тиградкама“, наконец-то выстрелила! И как выстрелила!! Напомним, что один из директоров Торговой Гильдии уже несколько дней оплачивал выход „ждуших“ рекламных роликов, приуроченных к появлению на рынке уникального предложения. И вот сегодня, добившись максимального внимания публики, Биджар объявил...»

(«Тиградкама»)

\* \* \*

**Пермская область, 17 сентября,**

**среда, 23:13 (время местное)**

Разлившаяся по лесу тьма заставила беглеца снизить скорость, перейти сначала на быстрый шаг, а теперь, когда тучи окончательно закрыли луну, на медленное, осторожное продвижение вперед. Невидимые в ночи, лишённые листвы ветви причиняли массу неудобств, то и дело норовя ударить или исцарапать обессиленного юношу. Конечно, в обычном случае наступившая темнота не причинила бы Марку особых хлопот: немного магической энергии, несложное для мага его уровня заклинание, и глаза с лёгкостью привыкают к смене обстановки, позволяя видеть не хуже, чем днём. Но это в обычном случае. Марк понимал, что висящие на хвосте преследователи тщательно сканируют область поиска, и любое заклинание, кроме уже применённых им защитных арканов, укажет его местонахождение не хуже спутникового маяка. Так что нет, никакой лишней магии, пробирайся по неприветливой тайге впотьмах да надейся, что ветер разгонит тучи и серебро строптивой ночной красавицы вновь осветит непролазную чащу, открывая дорогу к спасению.

А пока можно и отдохнуть. Нужно отдохнуть.

Марк устало прислонился к ближайшему дереву и вытер мокрый лоб. Сколько он бежал? Часа два? Три? Пограничный столб – десятифутовый чёрный крест, оплётённый искусно вырезанной виноградной лозой, – пройден довольно давно. Граница же, Марк знал точно, пролегла в семи милях от скита, значит, если расчёты верны, то сейчас он должен находиться милях в пятнадцати к югу от тайной базы Союза ортодоксов. Неплохо? Для кросса по дремучей тайге замечательно, а для спасения? Точного ответа он не знал. Послушников привозили в скит

окольными путями, последний отрезок и вовсе преодолевался через портал, а потому Марк с трудом представлял, где он сейчас находится и как далеко до ближайшего селения. Две мили? Двадцать? Двести? Сибирские просторы широки, непредсказуемы, вряд ли вожди Союза ортодоксов расположили свою секретную базу поблизости от посторонних глаз, хотя, если судить по звездам, далеко на север они не стали забираться, остановились там, где лето подлиннее.

– Хитрые сволочи, – процедил Марк.

Он был уверен, что отыщет обратную дорогу. Теперь – отыщет. И вернется, чтобы сполна заплатить за поспешное бегство и унижительный страх, который он испытал, поняв, что раскрыт. Они заплатят за дрожащие руки и липкую пелену ужаса, сковавшую мозг, за провалившийся в никуда желудок и черную пустоту, заполнившую все тело. Подслушав разговор Андрея и Петра, Марк пережил колоссальный стресс и чудом, именно чудом, по-другому не скажешь, взял себя в руки и ушел из скита. Ушел до того, как опомнилась охрана и маги матушки Чио бросились в погоню. Они не успели, а догнать беглеца сумела только одна рысь. К счастью, Марк вовремя почувствовал приближение пушистой бести и сумел накрыть ее «Дыханием дракона». Юноша дотронулся до рваной раны на плече и болезненно скривился: чертова кошка успела-таки цапнуть его перед смертью. Проклятая тварь, такая же сумасшедшая, как ее хозяйка. Гибкая и грациозная матушка Чио, игуменья Дальнего скита.

– Проклятая тварь!

Кому адресовалось это тихое послание: пушистой убийце, едва не растерзавшей юношу, или ее хозяйке, осталось непонятным.

Пора в путь. Марк со вздохом оттолкнулся от дерева, сделал несколько шагов и вновь остановился, проклиная обманщицу ночь и непредсказуемую тайгу.

Ветер, словно выполнив его сделанное несколькими минутами ранее пожелание, разогнал тучи, луна окутала лес колдовским серебром, и это восхитительное сияние позволило юноше увидеть возникшее на пути препятствие. Серьезное препятствие.

Ярдах в шести от него деревья расступались, образуя широкую просеку, по которой неспешно струился лесной ручей, освежая тишину ночной тайги редкими тихими всплесками. В чарующем лунном свете он выглядел удивительно нежным, романтичным... И очень опасным, ибо образовавшаяся просека оказалась не меньше двадцати ярдов шириной и не имела ни одного дерева или куста, в тени которых можно было бы скрытно перебраться на другую сторону. Без сомнения, преследователи прекрасно осведомлены об этой преграде и наполнили ее своими патрулями.

Марк тоскливо посмотрел на небо и, убедившись, что подлые тучи окончательно уступили место луне, присел на корточки.

Двадцать ярдов открытого пространства, залитого некстати появившимся светом и разрезанного ручьем. Если бы не вода, то десять больших прыжков – и снова спасительная листва кустарника, мощные стволы деревьев и беспросветная тьма спящего леса. Если бы не вода, Марк бы рискнул, а так... Ручей собьет темп и сделает его превосходной мишенью.

«Если здесь кто-нибудь есть.

Есть, обязательно есть! Они не могут не патрулировать такой замечательный рубеж! Они опередили меня, построив портал, а теперь затаились и ждут, когда я выйду прямо на засаду! Но они просчитались! Я умнее! Я лучше!»

Надо подождать, пока не скроется луна. Надо просто подождать, а уж затем форсировать проклятый ручей. Марк удобно прилег у корней могучей лиственницы и, аккуратно собрав последние капли магической энергии, усилил защитное заклинание. Того, что его обнаружат, юноша не опасался: искусству прятаться в условиях леса его обучили люди, и специальный, адаптированный для челов курс маскировки на основе техники Белых Дам гарантировал Марку полную безопасность.

Но ощущение покоя сыграло с юношей злую шутку. Безумный бег прекратился, дикое нервное напряжение спало, и в голову немедленно полезли ненужные да просто опасные в такой ситуации мысли, главная из которых звучала крайне незамысловато:

«Зачем ты согласился на эту авантюру, ИДИОТ?!!»

А что оставалось делать? Куда девать амбиции, подкрепленные невероятными, недоступными большинству сородичей способностями? Как перебороть презрение к жалкому стаду челов, проснувшееся у начинающего волшебника при получении лицензии на магическую деятельность? На настоящую магическую деятельность?

Едва попав в Тайный Город, Марк принялся верстать грандиозные планы, великие проекты, он был свято убежден в своей уникальности и твердо верил, что не просто ухватил удачу, но крепко-накрепко привязал к себе эту взбалмошную девицу. Тем ужаснее стал для него холодный душ реальности. В Тайном Городе человеческий маг не может рассчитывать на многое, все занято нелюдями, у большинства из которых «удивительные способности» Марка не вызывали даже презрительной усмешки. Сородичи владеют Землей, строят государства, развивают науку и считают магию сказкой. А те, у кого действительно есть способности, кто не такой, как все, кто сумел осознать свою силу и поверить, а главное – узнать, что колдовство случается не только в глянцевах мифах, те вынуждены биться головой о стену равнодушия Великих Домов.

Но что делать с амбициями? Поверивший в свою уникальность не станет заниматься мелочовкой: предсказывать результаты бегов и футбольных матчей, сводить старых дев со старыми козлами и лечить геморрой. Нужны подвиги, достойные неординарной личности, нужны слава и уважение.

Когда первое разочарование прошло, Марк сумел хладнокровно обдумать свое положение и выбрать самый правильный, с его точки зрения, путь: стал искать покровительства Зеленого Дома, здраво рассудив, что только при поддержке могущественной семьи Людь он сможет реализовать хотя бы часть своих грандиозных замыслов. Интерес оказался взаимным: люды хоть и считали челов бесполезным балластом, но осведомителей среди них имели, стараясь быть в курсе дел непредсказуемой семейки. Да и подать себя Марк сумел как надо, а потому неплохой курс обучения в школе Зеленого Дома, скромное ежемесячное жалованье и краткие отчеты по субботам: кто что делал, кто что кому сказал и так далее. К работе Марк подходил творчески, заметки писал с подробностями, характеристики на соплеменников давал емкие и просто не мог остаться незамеченным. Пиком его карьеры стала аудиенция у жрицы Мирославы, одной из ведущих колдуний Зеленого Дома. Старая ведьма высоко оценила успехи шустрого чела и предложила ему опасное, но высокооплачиваемое задание, гарантирующее, помимо всего прочего, вечную дружбу людов. Речь шла о таинственной человеческой секте, не связанной с Тайным Городом, но при этом, как подозревала жрица, использующей в своей работе настоящую магию. В первую очередь Мирославу интересовало местонахождение базы этой организации. Марк принял решение прямо на аудиенции: естественно, да! Упускать такой шанс было бы непростительной глупостью. Он переехал в Иркутск, попался на глаза одному из членов секты, увидевшему магические способности юноши, и вскоре получил предложение вступить в ее ряды. Первый шаг дался на удивление легко, и Марк уже предвкушал триумфальный финал, но переезд в Дальний скит перевернул все с ног на голову. Простая секта, использующая в своих обрядах настоящую магию? Старая Мирослава даже не представляла, с чем имеет дело!

«Отлично организованный тренировочный лагерь боевых магов – не хочешь? Профессиональная система подготовки, продуманная идеология, учебники по тактике Ордена, доспехи навского сплава и лучшие артефакты Зеленого Дома – не хочешь?! Доскональное знание структуры Тайного Города – не хочешь?!!»

Последняя мысль подтолкнула Марка к еще более неприятной догадке.

«Если Чио так хорошо осведомлена о жизни Тайного Города, вполне возможно, что она с самого начала знала, кто я на самом деле!»

Бред! Ерунда!! О моей миссии известно только жрице Мирославе!!!»

Марк попытался справиться с волнением, но подленький страх уже вполз в его душу, вызывая противное до тошноты подрагивание пальцев.

«Она не могла знать! Не могла! У меня была идеальная легенда! Я прошел все проверки!

Она знала! – Панические вопли глушили все доводы рассудка. – Ей донесли осведомители! Нет!! Ей сказали люды! Проклятые люды предали меня! Послали на смерть!! Что им жизнь одного чела? Даже такого талантливого и умного, как я? Люды презирают нас! Они наверняка успели снюхаться с матушкой и сдали меня на растерзание! Я должен объяснить... Я должен договориться с Чио! Я скажу ей, что ошибался... Я ведь действительно ошибался! Я расскажу ей все...»

Луна давно скрылась за тучами, но Марк никак не мог заставить себя продолжить путь. Черный лес окончательно превратился во врага, скрывающего боевых магов Чио, помогающего им. Стоит только шевельнуться, и они будут рядом.

«Они! Братья! Челы!! Неужели они не поймут, что я ошибался?!»

Хрустнувшая неподалеку ветка заставила юношу всхлипнуть.

«Чио нашла меня!!

Тебя не могут найти, пока ты в лесу, – рассудок из последних сил пытался спасти незадачливого хозяина. – Даже навы не вычислят тебя!

Но я не могу сидеть в лесу вечно! Чио будет искать меня до конца!!

Одумайся!»

– Я не чувствую его, – едва слышно прошептал Андрей. – Совсем не чувствую. Когда он двигался, еще были какие-то следы, а теперь...

– Чио сказала, что люды учили Марка технике Белых Дам, – проворчал в ответ Петр. – А лес для них, что дом родной.

– Но сколько он сможет оставаться на одном месте?

– Если Марк прошел полный курс, то дней шесть. – Петр почесал в затылке. – Их учат подключаться к деревьям и поддерживать силы соком... Во всяком случае, что-то в этом роде.

– Шесть дней нам здесь болтаться не позволят. – Андрей еще больше понизил голос, и теперь его слова шелестели на самом пороге слышимости. – Видел Нура?

– Видел, – кивнул Петр. – Думаю, он хочет посмотреть, как мы справимся с беглецом.

– Потому Чио и приказала дать Марку час форы. Это проверка.

– И если мы ее не пройдем... – Петр наступил на сухую ветку и злобно выругался.

– Подожди!!

Андрей остановился. Два молодых мага, одетые в черные армейские комбинезоны, двинулись вниз по течению небольшого лесного ручья, создающего естественную преграду на пути беглеца. Еще одна пара шла им навстречу, а остальные участники поисков веером рассеялись по тайге, отрезая Марку путь к селениям. Впрочем, все понимали, что добраться до людей беглецу не удастся: двести миль по осеннему лесу Марку не осилить.

– Ты чувствуешь его?

– Кажется...

Петр выпустил в воздух рой «светлячков», ярко осветивших ночные деревья, и потянул из ножен широкий охотничий нож.

– Надеюсь, у него хватит мозгов не ввязываться в драку?

– Он здесь!! – Андрей резко повернулся, и на кончиках его пальцев задрожала малюсенькая огненная точка: зарождающаяся «Шаровая молния». – Выходи!

– Мы должны взять его живым!

– Я помню. Выходи, гаденыш!

– Ребята, не стреляйте, я сдаюсь! – Темное пятно у одного из деревьев, которое преследователи, несмотря на «светлячков» и магическое сканирование, до сих пор принимали за обломанный ствол, неожиданно расплылось, и на берег ручья вышел Марк. – Я сдаюсь! Андрей, Петя, я честно сдаюсь! – На губах беглеца застыла боязливая улыбочка. – Я должен сообщить Чю важную информацию.

– Как он это сделал? – Петр покачал головой и убрал нож. – Черт! Мы бы ни за что его не нашли!

– Мы нашли! – Андрей подскочил к беглецу. – Попался!

– Я сдался сам! – взвизгнул Марк.

– И правильно сделал!

Огненная точка исчезла с пальцев Андрея, но не насладиться своим торжеством он не мог. Точный удар в скулу сбил Марка с ног, и сразу же, пока юноша не опомнился и не стал сопротивляться, Андрей врезал ему ногой. Петр уловил всплеск магической энергии «Кузнечный молот», чтобы увеличить силу удара.

– Не искалечь его.

– Не мешай! Мы из-за него три часа по этой поганой тайге блуждали.

Еще один удар. Марк завыл, он явно не ожидал такой горячей встречи и попытался ответить, но Петр хладнокровно накинул на юношу «Навский аркан» и быстро вытянул из поверженного мага остатки энергии. Следующий удар Андрея пришелся на окровавленную голову.

– Предатель!

\* \* \*

## **Акватория Карибского моря, 17 сентября,**

**среда, 21:21 (время местное)**

Остров был подобран тщательно и с большим вкусом: небольшой, аккуратненький, снабженный довольно высокой центральной скалой, уютной лагуной и весьма приличным количеством тропической растительности. К тому же он находился на удалении от основной группы островов небольшого архипелага и был окружен многочисленными рифами, пройти через которые не рискнул бы и самый пьяный капитан. Благодаря такому расположению островок нечасто подвергался нашествию людей, оставаясь одним из редчайших на планете уголков нетронутой природы.

– Архипелаг получил штормовое предупреждение, – негромко произнес мужчина, прищурившись на едва виднеющуюся на горизонте полоску ближайшего острова.

Кортес, один из лучших наемников Тайного Города, полностью соответствовал плакатному образу тропического курортника: единственная одежда – тонкий саронг на бедрах, мускулистое, бронзовое от загара тело жадно впитывает соленый морской ветер, мягкие, пластичные движения выдают внутреннюю расслабленность, даже взгляд карих глаз, обычно цепкий и внимательный, спокоен, если не сказать умиротворен.

– Артем слушал последние новости на их волне: обещают пять-шесть баллов.

– Нам это не грозит.

– Может, отключим кондиционер?

Кондиционер (официальное название – «Дождевик Ра», питание автономное, прокатная стоимость договорная, перед использованием обязательно прочтите инструкцию), средней мощности артефакт, установленный сразу же, как только наемники прибыли на остров, трудолюбиво поддерживал нужную погоду: тридцать градусов днем, не более двадцати ночью, освежающий ветерок и никаких дождей или штормов. Стоил он не так уж и дешево, магическую энергию лопал от души, зато позволял обходиться гамаками, а то и просто спать на песке, под тихий шум прибора.

– Зачем?

– Что ты имеешь против небольшого шторма?

– Тогда надо предупредить ребят и поставить палатку на ночь. – Яна капризно надула губы. – Я не собираюсь мокнуть под дождем.

Стройная, длинноногая, и спортивная и женственная одновременно, ее можно было бы принять за безмозглую красавицу из массовки, но золотые, лишенные зрачков глаза и замысловатая черная татуировка, украшающая лишенную волос голову, показывали, что девушка не так проста, как кажется. Последняя на Земле чистокровная гиперборейская колдунья не может быть простушкой.

– Палатку? – Кортес задумчиво потер подбородок. – Да зачем нам шторм на самом деле?

– Покатались бы на серфе.

– По камням?

– Ты не романтик!

– А что делать? Кто-то из нас должен твердо стоять на ногах.

Они прошли небольшой мыс и остановились, любясь открывшимся видом.

Крупные рифы, местами черные, местами темно-зеленые, врезались в широкий пляж, иногда доходя до линии деревьев, и на них, на каменных обломках, тысячелетиями противостоящих океану, возвышался старинный галеон, чудом сохранивший на носу табличку с названием: «Изабелла». Корма корабля касалась воды, корпус был слегка наклонен вправо, лишенные большинства рей мачты угрожающе поскрипывали на ветру, но все равно горделивые линии старинного галеона, оттененные уходящим солнцем, производили незабываемое впечатление. Какой же силы был шторм, если забросил на эти рифы сорокапушечную громадину?

– Инга молодец, что уговорила нас взять именно этот клад, – улыбнулась Яна. – Такую красоту больше нигде не увидишь.

«Изабелла» досталась наемникам в качестве гонорара за небольшую услугу, оказанную в свое время семье приставников, отвечающей за сокрытые сокровища. Потерпевший крушение корабль считался кладом, и рыжая подруга Артема не упустила возможность реализовать свои романтические мечты.

– Угу, – согласился Кортес. – Особенно если вспомнить, сколько времени она потратила, чтобы пристроить галеон именно так, как ей хотелось. А надо было просто распилить его прямо на дне, выпотрошить...

– Потом поставить под пальму телевизор и смотреть футбол.

– Хорошая мысль, – согласился наемник.

Инга уговорила компаньонов оплатить приставникам аккуратный перенос «Изабеллы» на линию прибора, долго-долго выверяла расположение корабля относительно звезд, заката, пальм, рифов и песчаной косы и добилась потрясающего эффекта: даже по прошествии нескольких дней, что наемники уже провели на острове, врезавшийся в берег галеон приковывал их внимание, заставляя любоваться собой и днем и ночью. Затем Инга настояла на краткой реставрации корпуса «Изабеллы» и только после этого разрешила мужчинам приступить к извлечению таящихся в нем сокровищ. Вручную. Разумное предложение Кортеса пробить в старинном днище пару технологических отверстий было воспринято рыжей девчонкой как личное оскорбление.

– Пиво под пальмой – удел старых, толстых и ленивых, – сообщила Яна. – А романтичным девушкам по душе умелые золотоискатели, способные прорубить шурф в вечной мерзлоте и шарить в полузатопленных трюмах.

– Придется соответствовать, – ухмыльнулся Кортес. – Завтра утром Артем пойдет рубить шурф. Вон та скала подойдет вместо вечной мерзлоты?

– Бездельник! Еще скажи, что тебе не нравится возиться с золотом.

– Нравится, – признал наемник. – Опять же, какой-никакой, а отпуск.

– Никаких звонков, никаких контрактов. – Яна обвила руками шею Кортеса, заглянула в глаза. – Только я и ты.

– И южные звезды. – Он нежно прижал к себе девушку.

Силуэт галеона таял в последних лучах солнца.

– Нет. – Яна тихонько вздохнула. – Никаких звезд – только я и ты.

Вода в небольшой, ярдов четыреста диаметром, лагуне была прохладной и такой прозрачной, что позволяла легко разглядеть сплетенные у самого дна тела. Молодой мужчина, крепкий, но отнюдь не атлет, и хрупкая, тоненькая, как тростинка, девушка, лет девятнадцати. Их стремительные, игривые заплывы сменялись то блаженным отдыхом на гладких, специально доставленных на дно лагуны камнях; то ласками, азартными или нежными, яростно короткими или томительно длинными, позволяющими максимально полно почувствовать близость любимого. Десятифутовая толща воды придавала каждому их движению подчеркнутую медлительность, нежную неторопливость, превращавшую самый древний в мире процесс в изысканное удовольствие: ни Артем, ни Инга не пользовались аквалангами и наслаждались друг другом в полной мере, не замечая ни времени, ни усталости. Секунда за секундой. Минута за минутой. Они провели на дне лагуны не менее часа и лишь затем, не спеша всплыв к залитой лунным светом поверхности, доплыли до берега и растянулись на теплом песке.

– Уф! – Артем глубоко вздохнул и, ласково обняв девушку за узкие плечи, поцеловал ее в щеку. – Это лучше, чем в бассейне.

– Бассейн! – Рыжая хмыкнула. – Бассейн – это для тренировки. – Ее темные глаза азартно блеснули. – Завтра попробуем другую глубину: пятнадцать футов слабо?

– Там холоднее.

– Будешь быстрее шевелиться!

– Я был недостаточно быстр?

– Для десяти футов нормально.

– Ведьма!

– Зато какая!

– Лучшая в мире!

– Правда? – Инга неожиданно серьезно посмотрела на Артема.

Молодой наемник выдержал взгляд девушки и нежно, очень нежно провел пальцами по ее лицу. Воспоминания об Олесе, о нем и Олесе, иногда еще посещали Артема, но теперь он был уверен в себе и знал, что никогда больше не допустит подобных ошибок. Хрупкая рыжая девчонка, с темными, почти черными глазами и тонкими чертами лица, стала для него тем самым огоньком, который светил и согревал душу. Огоньком, рядом с которым было замечательно и хорошо, огоньком, который хотелось беречь и ради которого стоило жить.

– Самая лучшая, – тихо произнес наемник. – И самая любимая... но ведьма!

– То ли еще будет! – озорно пообещала девушка и, легко вскочив на ноги, бросилась в воду. – Догоняй!

Артем вздохнул. Он давно привык к проявлениям буйной фантазии своей юной колдуньи, но отпуск на южном острове побил все рекорды: гамак (еще куда ни шло!), небольшой водопад (более чем восхитительные ощущения от бурных потоков холодной как лед пресной

воды), вершина скалы (к счастью, ночью, при свете луны, а не днем, под палящим солнцем), широкая ветка какого-то тропического баобаба (небольшая ссадина на боку), теперь подводные эксперименты. Наемник почесал затылок: интересно, что она еще придумает?...

– Если ты собираешься всю жизнь провести в песке, тебе надо было родиться кактусом. – Девчонка перевернулась на спину и медленно поплыла по лунной дорожке. – Я напишу тебе письмо.

«Ведьма. Как есть – ведьма!»

Артем улыбнулся.

\* \* \*

## Дальний скит

**Пермская область, 18 сентября,**

**четверг, 05:01 (время местное)**

Было еще совсем темно.

И холодно.

Обычный для осени утренний морозец, едва заметный в больших городах, здесь, на пороге великой Сибири, пробирал до костей, бодрил знатно, по-хозяйски врываясь в еще не отапливаемые кельи и выдергивая из-под одеял сонных послушников. Пять утра, время приступать к делам.

Нина быстро вскочила с грубой кровати, перекрестилась на икону в углу и, подпрыгивая на холодном полу, торопливо натянула одежду. Привычка долго потягиваться и неспешно ворочаться под одеялом, всеми силами откладывая момент окончательного пробуждения, осталась далеко позади, где-то в прошлой жизни, не осененной светом истинной веры.

«Работай, и Господь заметит тебя. Работай, и Господь приблизит тебя. Истинная вера приходит через тяжкий труд».

Прошлая жизнь была бессмысленна и вела в ад. В ней не было места подлинным ценностям. В ней не было места служению. В ней не было места Цели.

В сенях Нина нашла свою телогрейку, тщательно застегнулась на все пуговицы и, согревая дыханием озябшие руки, вышла на улицу. Она гордилась тем, что выходит на работу первой из всех послушников, и знала, что ее усердие будет обязательно вознаграждено.

«Истинная вера приходит через тяжкий труд!»

До завтрака надо успеть подоить коров, натаскать им сена и воды и убрать в телятнике. Потом времени не будет: после завтрака следует молитва и работа с проповедником, поиск своего места в замысле Божьем, поиск себя.

Домик младших послушников располагался вдали от основного комплекса скита, прямо у леса, рядом с хозяйственными постройками. Им не разрешалось приближаться к четырем массивным строениям, обнесенным высоким частоколом. Келья, коровник, свиарник, огород, небольшая часовня – вот и все, что окружало Нину последние месяцы. Работа, молитвы, работа, молитвы. Поиск. Все правильно, так и надо. Господь смотрит на тебя. Господь не забудет о тебе. Господь укажет тебе путь.

Нина старалась не думать, что двое новичков, прибывших вместе с ней, уже нашли свое место в божественном замысле, увидели свет истинной веры и, получив статус учеников, переехали в главную часть скита. Свет коснулся их, значит, они были достойны. Володя, например, не провел в младших послушниках и недели, как Господь дал ему знак: все видели, как Володя излечил сломанную руку Григория. Разумеется, проповедник сразу же отправил юношу к матушке Чио. Через три месяца было откровение Григорию, когда он одним взглядом поднял в воздух племенного быка. Господь выбирает лучших. Тех, чья вера сильна. Володя и Гриша пошли по указанной Им дороге, и Нина верила, что она сумеет пойти следом. А пока...

Девушка захлопнула дверь в коровник и улыбнулась.

А пока надо работать!

– Значит, тебя послала жрица Мирослава, – бесстрастно подытожила Чио исповедь пленника.

– Да, – торопливо подтвердил Марк. – Зеленые знают о вас... о нас. Они догадываются, что скрывает Союз ортодоксов.

– Но не знают, где находится скит.

– Мирослава очень хотела выяснить. Это было моим главным заданием.

– А не главным?

– Я же говорил: разведка. – Марк пожал плечами. – Узнать о Курии как можно больше. Поскольку я не мог обратиться в Союз напрямую, мне пришлось найти проповедника, войти к нему в доверие, а когда он почувствовал мои магические способности, то сам предложил...

– Мне известна эта история, – невозмутимо перебила его Чио.

Матушка, с царственной грацией расположившаяся в резном кресле, не отрываясь смотрела на пленника, но оставалась спокойной, даже чуть отстраненной, так, словно бы Марк каялся не в предательстве, а в мелкой краже у соседа по келье. Черные миндалевидные глаза хозяйки Дальнего скита не выражали никаких эмоций, красивые, прелестно очерченные губы едва шевелились во время редких реплик, а все остальное время оставались плотно сжатыми. Чио была похожа на изумительной красоты фарфоровую куклу, лишь по недоразумению одетую не в яркое кимоно, а в глухую черную мантию, полностью скрывающую фигуру. Густые черные волосы скручены в пучок и убраны под строгий плат, а единственное украшение, которое позволила себе игуменья, – висящий на груди крест, переплетенный золотой виноградной лозой. Впрочем, вряд ли золотые побрякушки могли приукрасить чудное в своем глубоком спокойствии лицо восточной красавицы.

Две крупные рыси у ног – обычный эскорт матушки – таранились на неудачливого беглеца менее бесстрастно, четко давая понять, что только приказ хозяйки не позволяет им наброситься на Марка.

– Зеленые дорого бы дали, чтобы узнать, где находится скит. Сколько они обещали тебе?

– Я... я заблуждался, – прошептал юноша. – Я побежал, потому что испугался... А на самом деле я уже давно решил, что не скажу людям ни слова!

– Тебе, конечно, можно доверять, – ровным голосом произнесла игуменья.

Три мага, чинно рассевшиеся на стульях в кабинете Чио, дружно хмыкнули, уловив в словах матушки нескрываемую иронию. Игуменья специально позвала на допрос трех самых перспективных своих помощников и незаметно фиксировала реакцию каждого. Андрей, Петр и Светлана. Все они провели в ските больше трех лет, неплохо зарекомендовали себя, но впереди серьезные испытания, и лишний экзамен не повредит.

– Пожалуйста, верь мне, – пробормотал Марк.

– Я постараюсь, – помедлив, пообещала Чио. – Господь учит нас быть милостивыми.

– Да... Господь, – Марк перевел дыхание. – Я уверовал, Чио, клянусь, уверовал, потому и вернулся. Потому и сдался.

– Предатель! – Андрей плюнул в юношу. – Тебе нет... – И оборвал фразу, поймав спокойный взгляд матушки.

Несколько секунд Чио внимательно смотрела на Андрея, затем – на засохшую на щеке Марка кровь, на его опухшую губу и заплаканный глаз, затем – снова на Андрея и, так и не проронив ни слова, неспешно поднялась с кресла.

– Господь учит нас быть милостивыми к заблудшим. Не каждый в наш греховный век способен сразу открыть Ему свою душу. Люди ушли с пути истинной веры, люди помнят лжепророков, и им трудно найти нужную дорогу...

– Ты все понимаешь, матушка, ты все понимаешь! – Обнадеженный Марк рухнул на колени и попытался поцеловать руку игуменьи. – Твоими устами говорит Бог.

– Вряд ли Ему есть дело до бесчестного шпиона, – негромко буркнул Петр.

– А еще Он учит нас сдерживать гнев и гордыню.

Матушка в упор посмотрела на Андрея. Тот не отвел взгляд.

– «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым»,<sup>3</sup> – проронил юноша.

– Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут, – выдержав небольшую паузу, откликнулась Чио. И очень-очень тихо, так, что расслышал только Андрей, напомнила: – Я ожидала, что Марк сдастся, и приказала не трогать его.

– Он сопротивлялся, – в тон матушке отозвался маг.

– Это ложь. – И снова непрошибаемая восточная бесстрастность. Невозможно было понять, волнует ли игуменью подобное, или она просто констатировала факт.

– Я сказал. – Андрей передернул плечами.

– Хорошо. – Чио невозмутимо кивнула и, подождав несколько секунд, именно столько времени потребовалось Андрею, чтобы догадаться распахнуть перед игуменьей дверь, вышла из кабинета.

Деревянные ложки дружно ерзали по деревянным мискам, соскребая со стенок перловую кашу: младшие послушники, прочитав короткую молитву, чинно завтракали, изредка обмениваясь короткими фразами. Большинство из них появились в ските позже Нины, и лишь четверо – значительно раньше, и до сих пор истово работали, надеясь увидеть знак.

«Увижу ли я его?» Девушка отогнала малодушную мысль и отломилась себе еще хлеба.

– Слышала? – Пухленькая Галя, до того молча поглощающая еду, придвинулась ближе и зашептала: – Проповедники предателя поймали.

– Как предателя? – Нина ошеломленно посмотрела на подругу. В первый момент она даже не поняла, о чем идет речь: предателя? – Какого предателя?

– Известное дело, какого, – буркнула Галя. – Настоящего предателя. Иуду. Господа нашего не чтит, истинной веры не знает, а только и думает, чтобы церковь со света сжить да призвать Антихриста. – Галя перекрестилась. – Одно слово – фарисей.

– А как же он здесь оказался?

– Проник, – затараторила Галя. – Послушником прикинулся, в доверие, значит, хотел втереться, разведать все, да только не получилось: прознали про него проповедники. А он, как почуял угрозу, в тайгу подался, наши его всю ночь ловили. А потом с ним матушка Чио разговаривала.

– Да с кем с ним? Кто предатель?

– Марк.

– Ох! – Нина качнула головой. – Марк? Я ведь его знаю. Он даже после меня в скит пришел.

---

<sup>3</sup> Евангелие от Матфея.

Симпатичный юноша с кудрявыми волосами и большими, немного печальными глазами. Нина помнила, как тяжело Марку давалась простая жизнь послушника и как быстро озарил его свет истинной веры. Возможно, он просто оступился, на мгновение поддался искушению и теперь – девушка не сомневалась – искренне раскаивается.

– Но ведь Господь дал ему знак!

– А теперь выходит, что не Господь, а диавол ему помогал, – прошептала Галя. – Сатана хитер, но проповедников не обманешь.

– Не обманешь, – согласилась Нина, опуская глаза.

Марк оказался предателем. Марк продался диаволу и отверг учение Господа. Это было ужасно, это было постыдно, но кроме этого девушка почувствовала приближение чего-то еще более неприятного.

– И еще я слышала, – продолжила Галя, – что после завтрака всех послушников соберут на главной площади.

За что? Ведь я сдался сам! Проявите милосердие во имя Господа! Вы обманули меня!!

Возможно, привязанный к столбу Марк прокричал бы именно так. Возможно, по-другому. Вполне вероятно, что юноша нашел бы силы для ругательств и проклятий. Возможно... Предусмотрительные помощники Чио наложили на несчастного несложное заклинание, управляющее мышцами лица, и теперь мимика Марка демонстрировала окружающим лишь страх и смятение перед неизбежной карой. А голос помощники просто выключили, чтобы ненужные вопли не нарушили торжественность церемонии.

Ближе всех к столбу стояли младшие послушники, молодая поросль Курии, те, в ком еще не пробудилась магическая сила и не пустила глубокие корни истинная вера. Они должны увидеть экзекуцию во всех подробностях, проникнуться, впитать в себя тяжесть гнева Господня. И уверовать.

Или засомневаться. Чио устраивали оба варианта: ей нужно было точно знать, как далеко готовы пойти эти люди.

Следом были выстроены старшие послушники, те, кому удалось разбудить в себе магические способности, кто увидел свет истинной веры и пожелал следовать ей. Глина человеческая, и только напряженная работа позволит понять, что можно вылепить из нее.

И, наконец, дальше всех от неудачливого Марка расположились проповедники, как называли их младшие адепты. Гордость Чио: группа тщательно отобранных и подготовленных магов, чья вера в идеи Курии подкреплялась не только механически заученными догматами. От обычных уличных проповедников Союза ортодоксов они отличались, как небо и земля: воины Господа, паладины нового крестового похода, будущая элита. Эти смотрели на экзекуцию совсем другими глазами и прекрасно знали, за какие именно прегрешения благочестивая матушка карает незадачливого беглеца. А потому – стояли отдельно, не смешиваясь с остальными обитателями скита.

Царящая на площади тишина нарушалась лишь мерным шумом окружавшего базу леса. Чио, одетая, по обыкновению, в строгий черный плащ и плат, скромно остановилась у столба и, обведя взглядом паству, громко произнесла:

– Воскликните Богу, вся земля.

Пойте славу имени Его; воздайте славу, хвалу Ему.

Скажите Богу: как страшен Ты в делах Твоих!

По множеству силы Твоей, покорятся Тебе враги Твои.<sup>4</sup>

Путь истинной веры труден и тернист. Легко принять райское блаженство, но как же тяжок путь к нему. Многие соблазны ждут на этой дороге. Искушение, предлагаемое демо-

---

<sup>4</sup> Псалтирь. Псалом 65.

нами, сулит невиданные блага, но отнимает душу. Отнимает единственное, что есть настоящего в нас. Отнимает веру и заставляет отвергать Его. – Чио выдержала паузу. – Человек слаб и податлив искушениям. Но Господь милостив, любовь Его безгранична, и готов Он прощать грехи раскаявшимся. Но не тем, кто отверг учение Его и выступил против Него! Не тем, кто по дьявольскому наущению предал единоверцев своих, кто, аки волк в овечьей шкуре, проник в овин, дабы сеять смуту и смерть. Нет милости к тем, кто доверие употребил во зло и удар своей, подобно Иуде, нанес исподтишка!

Громкие возгласы послушников оборвали речь матушки. Если еще несколько минут назад непосвященные смотрели на Марка скорее с любопытством, то теперь в их глазах читалась откровенная враждебность.

Ощущение нереальности, неправильности происходящего захлестнуло Нину. Девушка видела горящие глаза послушников, отчетливо чувствовала ярость, кипящую в их сердцах, но, как ни старалась, не могла разделить ее. Марк, жалкий, поникший Марк, совсем не казался ей врагом. Какая опасность Ему может исходить от человека? От жалкого, слабого человека?

– Искусным змеем проникает Сатана в душу человеческую, заставляя забыть об истинной вере и о Боге. Заставляя поклоняться идолам и творить злодеяния без страха и совести. Но смеем ли мы судить отступника? Смеем ли мы вставать между ним и Богом?

– Нет! – прокатился над площадью звонкий девичий голос, и только железная выдержка помогла Чио сдержаться.

Послушники удивленно посмотрели на смелую девушку.

– Нет у нас права на суд Божий! Мы можем только молить Его явить милость к этому заблудшему! И если в душе Марка есть хоть капля раскаяния, Господь увидит ее! И примет в объятия блудного сына! И мы будем молить Его об этом!

В сценарий игуменьи никак не вписывалась экспансивная девица.

– Марк, скажи, раскаиваешься ли ты в отступничестве своем? Жаждешь ли ты искупления? Мечтаешь ли ты вновь прикоснуться к божественному свету истинной веры?

Говорить приговоренный не мог, изобразить на лице раскаяние – тоже, жесты остались единственным доступным ему способом общения. Марк лихорадочно затряс головой.

– Скажи...

– Истину глаголет сестра! Истину, угодную Богу, ибо нет на свете суда, кроме суда Божьего! – Андрей понял, что это его шанс. Он давно заметил Нура, внимательно наблюдавшего за происходящим из окна, и решил сделать все, чтобы на фоне замешательства матушки показать себя в выгодном свете. – И единственное право наше испросить у Него суда для предателя! – Андрей воздел руки к серому небу. – Господи всемогущий! Господи милостивый! Открой нам волю Твою! Дай нам знак Твой! Рассуди, Господи, этого отступника так, как угодно будет Тебе, ибо отверг он учение Твое, и нет в его душе раскаяния!

– Мы будем молиться за него... – попыталась вставить Нина, но маг уже начал работать, привлекая к себе все внимание послушников.

Андрей был спокоен, уверен, хладнокровен и сделал все не просто правильно – идеально правильно. Так, что даже игуменья вряд ли удалось бы провести церемонию лучше.

Едва он произнес последние слова, как две огромные серые тучи, низко нависшие над площадью, задрожали, угрожающе зарокотали, подобно начинающей работать турбине, и вдруг сошлись, породив своим могучим столкновением длинную молнию. Огненная спица протянулась до самой земли, упала в воздетые руки Андрея, а уже от них, повинувшись яростному взгляду мага, ударила в грудь Марка.

– Нет!! – Ошарашенная Нина заломила руки и без чувств рухнула на землю.

Послушники торопливо крестились.

– Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне.<sup>5</sup> – Властный взгляд Андрея устремился на обитателей скита. – Марк поддался Сатане, и не было ему прощения. Не было ему искупления, и душа его гореть будет вечно!

Когда Чио подошла к дверям кабинета, рысь, до того игриво вертевшаяся в ногах, оскалилась и нерешительно остановилась, не дойдя до проема пары футов. Матушка на мгновение задержалась, а затем понимающе качнула головой. Сопровождающий ее зверь признавал только хозяйку и не боялся ничего на свете, почти ничего, ибо тот, кто сейчас находился в кабинете игуменьи, одним своим видом вводил пушистого монстра в состояние панического ужаса.

Нур. Чио непроизвольно поморщилась: она недолюбливала лысого карлика с маленькими бесцветными глазками, крючковатым носом и сильно оттопыренными ушами. Эти «локаторы», лопухами торчащие на фоне круглой головы, да еще в сочетании с низким лбом, делали карлика если не уродом, то далеко не красавцем, навевали мысли о страшеньких шутах, отиравшихся при королевских дворах, вот только смеяться, глядя на карлика, отчего-то не хотелось. Над Нуром вообще никто и никогда не рисковал смеяться.

– Подожди здесь, – бросила Чио рыси, и кошка, благодарно посмотрев на хозяйку, осталась в коридоре. Игуменья резко открыла дверь и прямо с порога произнесла: – Я думала, ты придешь на церемонию.

– Она прошла весьма... м-мм... достойно, – рассеянно отозвался Нур. – В моем присутствии не было необходимости.

Карлик нахально сидел за письменным столом Чио и деловито копался в ее компьютере. Такая поза была наиболее выигрышна для Нура: маленький, всего четыре фута и один дюйм, рост едва угадывался, а вот мощный плечевой пояс и несоразмерно длинные и мускулистые руки обманывали наблюдателей, заставляли принимать малыша за настоящего гиганта.

– Мне казалось, ты получил все материалы, которые запрашивал. – Несмотря на поведение карлика, Чио оставалась невозмутимой, если не сказать – равнодушной, а в недовольных словах не прозвучало раздражения.

– Решил освежить в памяти кое-какие подробности, – протянул Нур в ответ.

Неестественно большие, похожие на лопаты кисти карлика угрожающе нависали над клавиатурой, но грубые на вид пальцы скользили по кнопкам мягко, даже нежно, выдавая невероятную ловкость. Матушка сделала несколько шагов, бросила взгляд на монитор – Нур изучал личные дела послушников – и отошла к окну, устремив взгляд на часовню.

– Ищешь что-нибудь конкретное?

– Да так... три маленьких вопроса. – Нур отодвинул клавиатуру, и его бесцветные глазки цепко обежали игуменью. – Как давно ты общалась в последний раз с Иваном Хазаровым?

– Два месяца назад, – ровно ответила матушка, ничем не выдав удивления неожиданным вопросом. – Я подготовила для Ивана двух проповедников и лично сопровождала их в Новосибирск.

Хазаров занимал пост координатора Восточной Сибири и в иерархии Курии находился на одном уровне с Чио. Старый, опытный маг, стоявший у истоков Союза ортодоксов и, как казалось матушке, горячо разделяющий идеалы Курии. Чио знала, что Глеб очень хорошо относится к Ивану, ценит его мнение, а вот Нур – недолюбливает. Впрочем, карлик недолюбливал всех, кроме Глеба, но собака должна подчиняться хозяину, и старый Иван жил спокойно.

– Как ты нашла его?

– Как обычно, – пожала плечами игуменья. – А почему ты спрашиваешь?

---

<sup>5</sup> Евангелие от Матфея.

Толстые пальцы Нура мягко погладили столешницу.

– Иван пропал.

– Захвачен?

– Не думаю, – махнул рукой карлик. – Положение Ивана делало его недоступным для нелюдей. К тому же я не прогнозировал их активности. Здесь что-то другое.

Рассказывать матушке о двух своих соглядатаях, призванных сторожить подозрительного Хазарова, Нур не собирался. Тем более – о том, что они не справились.

– Давно пропал Иван?

– Этой ночью.

Иерарх такого уровня знает слишком много, чтобы исчезнуть из-под контроля службы безопасности даже на несколько часов. Глеб, конечно, мог себе позволить хорошие отношения со своими сподвижниками, но карлик не верил никому, и если Иван покинул Курию – это прокол Нура. Теоретически матушку должны были порадовать неприятности малыша, но дело превыше всего и, как бы ни относился к ней Нур, они сидят в одной лодке.

– У Ивана могли возникнуть разные обстоятельства.

– Могли, – согласился карлик. – Я подключил всех своих осведомителей и хочу, чтобы ты сделала то же самое. Пусть ищут Хазарова везде, где можно.

– А когда найдут?

– Тот из нас, кто будет ближе, навестит старика... И выяснит... насчет его обстоятельств.

– Понятно, – кивнула Чио, искренне надеясь, что ей удастся встретиться с Иваном первой. В принципе, старик был ей безразличен, но матушка прекрасно понимала, чем закончится визит Нура. А решать судьбу Хазарова должен Глеб.

– Теперь следующее. – Карлик, не поднимая глаз на игуменью, снова погладил столешницу. – Этот Андрей... Он хороший маг?

– Достаточно хороший.

– Мне не понравилось, как он повел себя на церемонии.

– Он хотел произвести на тебя впечатление.

– Будем считать, что ему это удалось.

Нур был псом Курии, сторожевым псом с потрясающим нюхом. Чио не знала, кто он, откуда и что заставляет его так преданно и беззаветно служить Глебу, но уже не раз убеждалась, что лидер не ошибся: карлик обладал невероятной способностью находить слабые места.

– Андрей хороший маг, – повторила игуменья.

– Хороший маг еще не значит хороший член Курии. Он устал повиноваться тебе?

– Да, – хладнокровно подтвердила Чио. – Но я его контролирую.

– Нам нужно, чтобы ты в первую очередь занималась приказами Глеба, а не сохранением своего влияния на воинов Курии. Ты должна быть спокойна и не думать о посторонних вещах. И воины должны подчиняться тебе и только тебе. Вожак должен быть один. – Нур помолчал. – Я вижу, честолюбие этого парня зашло слишком далеко. Андрей не понимает, что сейчас мы должны быть едины. Поэтому либо нужен второй скит, либо здесь сменится лидер. Второй скит мы делать не будем. – Снова пауза. – Глеб говорит, что ты умная. Я в целом согласен с ним. Ты сможешь доказать, что я не ошибаюсь?

– Смогу, – спокойно ответила Чио.

– Андрей слишком самоуверен и настраивает так же остальных. Это опасно. Мы готовим воинов, которым только предстоит стать победителями. А он уже стал им.

Резоны карлика были понятны. Взбалмошный маг способен поставить под удар выполнение приказа Глеба, чего пес Курии никак не мог допустить. Неисполнение и даже вероятность неисполнения приказов лидера Нур рассматривал как личное оскорбление и безжалостно истреблял всех, в ком сомневался. В лучшем случае – убирал очень и очень далеко от главных событий. На памяти Чио Глеб ни разу не вмешался в подобные решения карлика.

– Я же сказала, что смогу решить эту проблему. – В голосе матушки очень нечасто проскальзывало раздражение, но сейчас был именно такой случай.

– И как можно быстрее.

Несколько секунд бесцветные глаза Нура жестко буравили Чио.

– Хорошо, я решу проблему быстро. – Матушка помолчала. Взяла себя в руки, вновь превратившись в спокойную, чуть отстраненную маску. – Каков третий вопрос?

– Что?

– Ты сказал, что у тебя есть ко мне три вопроса.

– Да, сказал. – Карлик вновь уставился в монитор, на личные дела адептов. – Девица, которая устроила истерику во время церемонии...

– Нина?

– Возможно. Почему она повела себя так? Недостаточно верит?

Чио покачала головой:

– С верой у нее все в порядке. Ей еще не приходилось участвовать в экзекуциях.

– Если с верой все в порядке, экзекуции должны вызывать не шок, а прилив энтузиазма. Прощение и любовь инструменты хорошие, но от плетей никто отказываться не собирается. Даже Бог. Она это понимает?

Матушка замолчала. Она собиралась неспешно обдумать поведение Нины и принять решение на ее счет, но видела, что Нур хочет получить немедленный ответ. Тем не менее торопиться в таком тонком вопросе не следует, карлику придется подождать.

Нур же, поняв, что игуменья должна поразмыслить, нацепил на нос очки, и его пальцы побежали по клавиатуре.

– Та-ак, Нина Николаевна Топоркова, два года в Курии, из них полгода в ските. Весьма достойный срок, чтобы определиться... Но не определилась... Передала в дар Союзу ортодоксов две квартиры в Екатеринбурге, автомобиль и все сбережения... Мелочь, конечно, зато показывает, что с верой у нее действительно все в порядке. – Карлик чуть склонил голову и посмотрел на Чио поверх стекол. На самом деле, матушке было известно абсолютно точно, ему не нужны очки, но Нур, словно действительно был шутком, копировал Глеба во всем, включая одежду и манеру поведения. – А как у нашей Нины с магией?

– Плохо, – вздохнула Чио. – Задатки у нее есть, но разбудить способности мы пока не можем. Нина совершенно не чувствует энергию.

– Принудительное вливание пробовали?

– Несколько раз. Никакого эффекта. – Матушка выдержала паузу. – Возможно, мы с ней ошиблись.

Магические способности у людей встречаются нечасто, распознать их непросто, а уж пробудить и того сложнее. Проповедники выискивали и отправляли в Дальний скит всех, у кого можно было прочесть хотя бы зачатки, хотя бы намеки на возможные перспективы, но даже усилий Чио не всегда хватало на то, чтобы превратить присланного человека в настоящего мага.

– Тогда почему она до сих пор здесь?

– Я планировала дать Нине еще месяц.

– Еще месяц... – Карлик почесал голову. – Сколько еще недоделок у тебя скопилось?

– Пятеро.

– Пятеро... – повторил Нур и резко бросил: – Ты поняла, почему Нина закатила истерику на церемонии?

– Кажется, да, – невозмутимо ответила матушка. – Она пожалела Марка.

– Отступника и Иуду?

– Нина слишком глубоко и слишком близко к сердцу приняла заповедь о любви к ближнему.

– Ты уверена в своих словах?

– Я наблюдала за Ниной достаточно долго.

– Хорошо, – пробормотал карлик, – пусть так. Нину пока оставим, а от остального балласта избавься сегодня же. Тех старших послушников, которые хотя бы наполовину готовы к самостоятельной работе, отправляй координаторам, остальных объедини с младшими и не подпускай к главному комплексу. Пусть работают во славу Господа.

Впервые с начала разговора в непроницаемых глазах Чио мелькнула хоть какая-то эмоция. Интерес.

– Началось?

– Глеб еще не отдал приказ. – Нур улыбнулся. – Но чутье меня еще не подводило. Глеб все обдумает, взвесит и отдаст приказ начинать в самое ближайшее время. А значит, нам надо подумать, куда рассовать... полуфабрикаты, чтобы не путались под ногами. В ските должны остаться только воины.

Умный пес не просто выполняет приказы хозяина, он их предвидит. И Чио вновь подумала, что, кем бы ни был Нур, Глеб в нем не ошибся.

\* \* \*

## **Акватория Карибского моря, 18 сентября,**

**четверг, 08:27 (время местное)**

– А это что за чудо?

Инга полистала лежащий на коленях толстый том и прищурилась:

– Если не ошибаюсь: статуэтка богини созидания Илья-Тика.

– Какая славная! – Яна осторожно провела пальцем по золотой фигуре древней богини инков. – Кто-то здорово старался, создавая эту прелесть.

– А у кого-то хватило мозгов не пустить ее на переплавку.

Выбирая подходящий клад, Инга перелопатила гору специальной литературы, став подлинным экспертом истории Конкисты. Она вычислила конкретный корабль и потребовала у приставников именно «Изабеллу», один из немногих галеонов, на котором испанцы везли не только слитки, но и коллекцию непогубленных произведений искусства инков, предназначенную для королевского двора. Диски с изображениями богов, блюда, чаши, статуэтки, цепи, десяток стеблей маиса с листьями и початками, выполненные в натуральную величину, золотой куст, с сидящей на нем птицей... Тонкая работа мастеров вызвала уважение и восхищение.

– Как ты думаешь, если я подарю родителям вот эту фигурку, – Инга кивнула на небольшую статуэтку бога солнца Инти, – им не придет в голову поставить в гостиной сейфовую дверь?

– А при чем здесь гостиная?

– Она будет прелестна на каминной полке.

– Мне кажется, что диск с богиней Луны будет выглядеть более уместно.

– Статуэтка мне нравится больше. – Инга потянулась. – Надо спросить Темку.

– А заодно и покормить его. – Яна с сожалением убрала находки, захлопнула крышку ящика и огляделась. – Я чувствую запах созревшего кофе.

Лагерь наемников поражал прямо-таки спартанской скромностью. Разбитый на самом краю тропических зарослей, он состоял из четырех шезлонгов, четырех гамаков и одной небольшой палатки, предназначенной для припасов: рядом с ней жужжал компактный генера-

тор, а внутри прятались три холодильника, кофеварка и несколько мелочей, необходимых на современной кухне. Сразу за палаткой стояла душевая кабинка и специальные ящики, в которые складировалась добыча.

– Яичница с ветчиной, тосты с джемом, дыня, апельсиновый сок и кофе. – Инга придиричиво оглядела сервированный к завтраку столик. – Зови мужиков.

– Осторожнее!

– Куда еще осторожнее? – огрызнулся Артем. – Она же черт-те сколько весит.

– Потому и надо осторожнее! – рявкнул Кортес. – Это тебе не мешок с цементом.

– Если эта чертовка пережила кораблекрушение, ей уже ничего не страшно. – Молодой наемник вытер пот. – Пара лишних царапин только добавит ей ценности. – Он негромко выругался, скорее для порядка, чем по необходимости, закрепил трос и махнул рукой: – Трави потихоньку.

– Поехали! – Кортес привел в действие электрическую лебедку, и золотая лама, скрупулезно выполненная инками в натуральную величину, величаво покинула чрево полузатоленного трюма.

– Красота!

– А сколько эта красота стоит. – Кортес ловко качнул бесценный груз в сторону и аккуратно установил на палубе. – Готово!

Артем выбрался из трюма и, змурясь на утреннее солнце, прислонился к потрепанному борту «Изабеллы».

– Не хочешь взять игрушку себе?

– Зачем?

– Поставишь в кустах у входа в дом. Никто ведь не догадается, что она настоящая.

– Не. – Кортес зевнул. – Сувениры пусть Яна выбирает. Меня больше интересует счет в банке.

– Или старые добрые наличные. – Артем с особой нежностью осмотрел статую. – Надо бы ее взвесить.

Молодой наемник не терялся на фоне крепкого напарника. Выглядел он не очень внушительно, зато превосходил Кортеса в количестве татуировок. Особых татуировок, не имеющих никакого отношения к желанию украсить тело симпатичной картинкой. Тонкие черные линии, искусно нанесенные на кожу Артема, были навскими эскизами: самыми дорогими артефактами такого рода в Тайном Городе, секретом которых владели всего четыре мастера. Правую лопатку закрывал «Королевский ястреб настороже», улавливающий враждебные эмоции, «Кольцо безразличия», причудливым узором охватывающее плечо, являлось высококлассным блокиратором боли, а от него спускался «Эрлийский крест» – мощный стимулятор.

Более консервативный Кортес предпочитал обходиться без подобной страховки, но, тем не менее, от одной татуировки он отказаться не мог: его правое плечо, так же как и у Артема, украшала грызущая орехи белка – метка Темного Двора, знак дружбы и особого расположения повелителя Нави, выполненный им лично.

– Нас зовут завтракать. – Кортес разглядел фигурку Яны, поднялся и, не удержавшись, похлопал ламу по холке. – Много добра еще осталось?

– Только слитки. – Артем отклеился от борта. – Часа на два работы.

С золотыми чушками наемники особо не церемонились, грузили в небольшую стальную сеть, грубо высыпали на палубу и укладывали в ящики.

– До полудня обязательно закончим. Черт!

– Что случилось?

– Поскользнулся. – Молодой наемник с досадой пнул ногой грязноватый комок разноцветных веревочек.

– На чем?

– На насадке для швабры, – рассмеялся Артем. – Веревки какие-то. – Он перелез через борт и стал спускаться на песок. – Пойдем завтракать.

– Уверен, что Торговая Гильдия охотно поможет нам пристроить клад, – усмехнулся Кортес, намазывая джемом очередной тост. – Вот только проценты они затребуют грабительские.

– Никогда не поверю, что ты не сможешь удержать жадность шасов на приемлемом уровне, – округлила глаза Инга.

– В любом случае обращаться к кому-либо еще глупо, – протянула Яна.

– И шасы это прекрасно понимают, – вставил Артем.

– К сожалению.

– Мы не можем притащить несколько тонн золота в ближайший банк...

– Кстати, здесь неподалеку есть одна славная офшорная страна, – намекнул Кортес. – У меня там неплохие связи в солидном банке, владелец которого не станет задавать лишних вопросов.

В свое время Кортес служил в имперской военной разведке и обзавелся полезными знакомствами по всему миру.

– Это неправильно, – не согласилась Инга. – Если бы речь шла только о слитках, над твоим предложением еще можно было бы подумать. Но прятать произведения искусства недопустимо, мы обязаны сделать их доступными для публики и ученых.

– В первую очередь мы обязаны на них заработать.

Яна кивнула, поддерживая слова друга, и тут же обернулась:

– Портал.

На пляже, неподалеку от лагеря, завертелся вихрь магического перехода.

– Межконтинентальный, – оценила Инга. – Кто-то пожаловал в гости.

– Но никто не знает, что мы здесь, – нахмурился Кортес.

– Кроме приставников.

– Да...

Из темно-зеленого вихря гордо выступила высокая белокурая женщина в довольно строгом деловом костюме, совсем неподходящем к тропическому окружению.

– Нас нашли люды. – Артем зевнул. – С чего бы вдруг?

– Фея Русана, казначейство Ее величества королевы Всеславы. – Женщина остановилась у столика наемников и, глядя поверх их голов, поинтересовалась. – Кто из вас Кортес?

Вопрос был достаточно нахальным: лица наемников, а их лидера – особенно, были прекрасно известны в Тайном Городе. Гораздо лучше, чем физиономия мелкой колдуньи Зеленого Дома.

– Если вы хотите предложить контракт, то мы в отпуске. – Кортес налил себе еще кофе. – А если хотите позавтракать с нами, то можете взять стульчик вон в той палатке.

Зеленые глаза феи сверкнули.

– Я прибыла определить размер налога, который вы заплатите в казну Великого Дома Людь.

– Кто вам сказал, что мы решили заняться благотворительностью? – осведомился Артем. – Вас подло обманули.

Девушки улыбнулись.

– Хочу напомнить, что челы считаются подданными Зеленого Дома.

– И когда вы успели поднять под себя шестимиллиардную семью? – невинно поинтересовалась Инга. – Мне просто любопытно.

– Между челами и людьми нет вассальных договоров, – отрезала Яна. – Вы знаете, что по правилам приставникам положены десять процентов клада. Вот с этой суммы вы и стрясете свои налоги.

– С приставников, – уточнил Кортес.

Русана нерешительно потопталась. Судя по всему, пряткая сотрудница казначейства решила выслужиться, сорвав с наемников приличный куш в пользу Великого Дома, но, встретив суровый отпор, растерялась.

– Это окончательный ответ?

– Могу предложить еще холодный апельсиновый сок, – щедро улыбнулся Кортес. – Или искупаться в лагуне.

– Второе бесплатно, – хмыкнул Артем.

Русана высокомерно отвернулась.

– Я доложу об этом инциденте казначею Ее величества.

На песке вновь заплясал вихрь портала.

– Надеюсь, других визитов не последует, – проворчал Артем в спину исчезающей фее.

Кортес с сомнением покачал головой.

– Не думаю...

Яна опустила поднесенную было ко рту чашку кофе.

– Сейчас здесь будет еще один переход.

\* \* \*

## Дальний скит

**Пермская область, 18 сентября,**

**четверг, 20:29 (время местное)**

Бетонные стены безжалостно давили со всех сторон, не давали дышать, сводили с ума. Куда ни поверни голову, взгляд всюду упирается в рукотворный серый камень, тупой и мертвый. Слабенькая лампочка под высоким потолком – не достать, ворох прелой соломы в качестве постели, в углу унитаз и кувшин с чистой водой. И металлическая дверь с окошечком, через которое узнику передавали еду и воду. Три кувшина в день. О еде лучше не вспоминать: тарелка неопределенной каши утром и вечером, каравай хлеба.

Окна в камере отсутствовали, но Дитрих понимал, что это не карцер: просто тюрьма находится глубоко под землей, тщательно скрытая от посторонних глаз. Разумно и предусмотрительно, учитывая то, для каких узников она предназначена. Хотя из заключенных тщательно высасывали магическую энергию, их сил и воли с избытком хватало на создание неприятностей. На бунты и сопротивление. Но не на побег. Вырваться из подземного лабиринта не удавалось никому, о чем Дитриху в первый же день с гордостью поведал старый тюремщик. И продемонстрировал фотографии казненных беглецов. Дитрих ответил неприличным жестом, но в глубине души понял, что его не обманывают: достаточно было всего одного удачного побега, чтобы Великие Дома не оставили от этого места камня на камне, ибо предназначалась подземная тюрьма исключительно для их подданных. Для последних представителей древних рас, некогда правивших Землей. Для жителей Тайного Города.

А организовали это узилище челы. Челы! Тюремщиками были челы! И это вызывало у Дитриха особое бешенство. Он бы еще понял, если бы очутился в подвалах Цитадели или Зеленого Дома. Великие Дома перманентно враждовали друг с другом, и в этих играх пленный лейтенант гвардии мог бы сыграть хоть какую-то роль, но для чего он нужен челам?! Они не понимают, с кем связались? Какие силы затронули? Лейтенант гвардии – не последняя фигура в Ордене, о нем не забудут, его будут искать... Эта надежда питала Дитриха в первые дни плена. Эта надежда позволяла ему смеяться в глаза тюремщикам и швырять им в лицо тарелки с кашей.

А потом надежда умерла. Умерла в тот самый миг, когда Чио с легкой улыбкой показала лейтенанту опубликованный пресс-службой Ордена официальный список погибших во время «Лунной фантазии», кровавой резни, устроенной гарками Сантьяги под стенами Зеленого Дома. Длинный перечень рыцарей, нашедших свою смерть из-за недалёковидности старого Леонарда. Длинный, тоскливый перечень. В первую очередь Дитриха поразила именно длина списка, горькое понимание тяжести урона, понесенного Великим Домом Чудь. И лишь потом, когда глаза нашли строчку «командор войны Дитрих де Кассо, лейтенант гвардии, ложа Саламандры», его захлестнула вторая волна грусти: искать официально погибшего гвардейца никто не станет.

Надежда умерла. Оставалось только ждать, чего захочет от пленника матушка Чио.

\* \* \*

## **Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь**

**Москва, Ленинградский проспект,**

**18 сентября, четверг, 18:44**

– Ставьте здесь.

Ортега указующе взмахнул рукой, и группа вспотевших шасов послушно потащила в заданном направлении новый письменный стол – дивную конструкцию из стекла, металла и пластика, словно сошедшую со страниц футурологического журнала.

– Осторожнее!

– Мы стараемся.

– Старайтесь осторожнее!

Роскошный кабинет комиссара Темного Двора, кряхтя и мучаясь, переживал очередную перестройку, затеянную неугомонным хозяином. Дорогущая антикварная мебель, великолепный мозаичный паркет, дубовые стеновые панели, все, любовно созданное лучшими мастерами Торговой Гильдии несколько лет назад, безжалостно разбиралось, освобождая место новой обстановке. Сантьягу привлек человеческий стиль хай-тек, и Усам Турчи, ведущий дизайнер Торговой Гильдии, суетливо отдавал распоряжения, постепенно раскрывая перед грозным заказчиком результаты двух месяцев кропотливой работы.

– Только самые последние достижения человеческой технической мысли, комиссар! Толщина монитора полдюйма, когда он вам не нужен, вы нажимаете на кнопку, и экран исчезает в столешнице...

– Прелестно, – одобрил нав. – Очень удобно.

– Стеновые панели я решил сделать более теплыми...

В иерархии Тайного Города, собравшего в своей черте остатки всех древних рас, некогда правивших Землей, Сантьяга, отвечавший за безопасность Великого Дома Навь, занимал одну из высших ступеней, входя в семерку ведущих магов. А по влиянию превосходил их всех, ибо каждого подданного любого Великого Дома хоть раз посещала предательская мысль, что все в Тайном Городе происходит с ведома главного интригана Великого Дома Навь. Сантьяга это не подтверждал, но и не отрицал, оставляя недругам богатую пищу для размышлений, а друзьям – лишний повод для гордости. Его авторитет среди подданных Темного Двора был колоссален, и даже соплеменники – колючие, не склонные к сантиментам навь мирились с невозможными для их понимания выходками своего комиссара: щегольские костюмы, сногшибательные авто (произведения искусства, которые Сантьяга использовал в качестве средства передвижения, невозможно назвать ни автомобилями, ни машинами – это именно авто), изысканные вина и роскошные апартаменты. Тысячелетия навь хмурились, глядя на не отказывающего себе ни в чем ироничного франта, и тысячелетия восхищались его острым, как бритва, умом, без отдыха работающим на благо Темного Двора. По общему мнению, если бы Сантьяга был комиссаром во время давней войны с людьми, то на Земле до сих пор сохранялась бы гегемония Великого Дома Навь.

– Но мы отвлеклись, уважаемый Усам. – Сантьяга вновь повернулся к стоящему рядом шасу и напомнил: – Часы. В кабинете обязательно должны быть настенные часы.

– Я не забыл, комиссар, и приготовил вам сюрприз. – Турчи сбросил покрывало, закрывающее одну из уже установленных стеновых панелей, и продемонстрировал закрепленные на ней тонкие черные стрелки. Единственной меткой циферблата был крупный черный бриллиант, указывающий на полночь. – Я долго думал, как наиболее удачно выполнить ваше требование, и нашел идеальное решение. Просто, аккуратно и полностью в стиле.

Пару мгновений Сантьяга разглядывал это идеальное решение, затем кивнул:

– Отличная работа, Усам, вы попали в точку.

Дизайнер слегка покраснел от удовольствия.

– С вашего позволения, я хотел предложить...

И замолчал: в кабинет неторопливо вплыла высокая фигура, полностью закутанная в черный плащ с низко надвинутым на лицо капюшоном. Князь Темного Двора. Ошеломленные шасы замерли, но Ортега, правильно уловив желание повелителя, тихо пробормотал несколько слов, и работа возобновилась. Правда, шума стало гораздо меньше.

– Присаживайтесь.

Капюшон повернулся в сторону дивной конструкции, которую Усам выдавал за кресло, неодобрительно качнулся, и глуховатый голос с сомнением произнес:

– Пожалуй, я постою.

– Как угодно.

– Твой ремонт взбудоражил всю Цитадель.

– Мы вас разбудили? – Комиссар прекрасно знал, как и когда можно шутить, а потому его едкое замечание услышал только повелитель Нави, и никто более.

Из-под капюшона донеслось сдержанное клочкотание.

– В любом случае, я приношу искренние извинения.

Князь медленно прошелся по полуразрушенному кабинету и остановился у единственной более-менее законченной стены. Той, на которой Сантьяга разместил несколько любимых картин. Цунами, накрывающее небольшой портовый городок, могучий айсберг, за который отчаянно цепляется малюсенькая фигурка уцелевшего в крушении моряка, проснувшийся вулкан, потрясающий искусно переданным ощущением колоссальной энергии взрыва. Три полотна, созданных гениальным мастером, явно привлекли внимание лидера Темного Двора.

– Когда я был здесь в последний раз, у тебя висели другие картины, – заметил он после короткой паузы.

– Иногда я обновляю интерьер, – съязвил комиссар. – Понимаю, что вам это кажется странным...

– Мне нравятся эти картины, – перебил его князь. – Откуда они у тебя? Кто их рисовал?

– Писал, – поправил повелителя Сантьяга. – Картины, знаете ли, пишут.

– Кто рисовал эти картины?

– Аркадий Ивов, чел, он умер.

– Это я почувствовал, – буркнул князь. – Его жизнь ушла в эти полотна.

– Не совсем так. Бедняга растратил свою жизнь...

– Что ты знаешь об этом? – Капюшон вновь повернулся к полотнам.

Сантьяга вздохнул, покосился на свежешустановленные часы и громко объявил:

– Господа! Вам необходимо прерваться. Ортега проводит вас в комнату, где вы сможете немного отдохнуть.

Спорить с комиссаром никто не стал: шасы слишком долго прожили бок о бок с Навью, чтобы научиться понимать, когда это можно делать, а когда нет. Сказано отдохнуть, значит, отдыхать. Возможно, Сантьяге и князю потребовалось срочно провести секретное совещание. Однако, как только за последним шасом закрылась дверь, комиссар сделал самое неожиданное, что только можно было себе представить в этой ситуации. Он включил телевизор.

– Это программа «Внимание» и я, ее ведущий, Славик Тостер. Это программа о тех, кто привлекать наше внимание на этой неделе, о тех, кто привлекать внимания всегда, потому что он находится в центр всех жизней. В центр внимания!

За последнее время шустрый Тостер сумел слегка подучить русский язык, и теперь речь ведущего журналиста НТВ лишь эпизодически резала слух зрителей. Славик облагородился, прибавил пяток-другой килограммов и нахраписто претендовал на роль рупора российской общественной жизни.

– Сейчас вы будете иметь видеть короткую рекламу спонсоров самой демократической программы российского ти-ви, а потом я расскажу вам, кто привлек внимание на этой неделе.

– Зачем ты это смотришь? – поинтересовался князь, отвлекшись от картин.

Сантьяга пожал плечами:

– Мне нужно.

– Ты заинтересовался политической жизнью челов?

– Я уже давно интересуюсь ею.

– Допустим. А зачем тебе это?

На экране появился гость Тостера – благообразный монах в простой черной рясе с откинутым капюшоном.

– Обычно в этой программе мелькают плохоизбираемые депутаты и проворовавшиеся чиновники, которым надо оправдываться перед налогоплательщиками, – объяснил комиссар, убирая звук.

– Это чиновник?

– Как раз нет, – улыбнулся Сантьяга. – Это весьма любопытный чел... и очень странно, что он появился на общефедеральном канале.

– Кто он?

– Проповедник Курии.

– Главный?

Последний вопрос повелителя Нави остался без ответа: комиссар включил звук и уставился на экран телевизора.

– Значит, вы уверять, что Курия не секта?

– Это так, – спокойно кивнул монах. – Союз ортодоксов стоит на твердых христианских принципах и не допускает каких-либо отклонений от них. Именно поэтому мы носим такое гордое название: мы ортодоксальные христиане, и мы стремимся донести до прихожан свет истинной веры.

– Тогда почему вам тесно в рамках Церкви?

– Во все времена существовали хорошие христиане, желающие объединиться внутри Церкви для выполнения определенных задач или для проповеди некоторых догм, которые они считали главными.

– Вы говорите о церковных орденах? Иезуиты, доминиканцы...

– Церковные ордена получили сильное развитие в католицизме, но не запрещены и в православии, – медленно ответил монах. – Хотя я бы не стал проводить между нами прямую параллель.

– То есть из ваших слов можно понять, что ваша секта... извините, ваша организация представляет собой церковный орден?

Проповедник Курии несколько удивленно посмотрел на журналиста:

– Совсем нет. В первую очередь Союз ортодоксов это объединение прихожан, желающих жить согласно канонам и принципам истинной христианской веры. К сожалению, у приходских священников не всегда хватает сил и времени на постоянную работу, на выстраивание глубоких, а главное – двусторонних отношений с паствой. Да и сами люди в современном мире нередко вспоминают о Боге разве что на Пасху и Рождество и не так уж часто посещают церковь. Мы не осуждаем их. Мы понимаем, что жизнь изменилась, что многое стало не таким, как было сто или триста лет назад. И наши проповедники идут к людям, несут им Слово Божие, напоминают об истинных ценностях, которые не потеряют актуальности и через сто и через триста лет.

– И для этих задач создана Курия?

– Именно так.

– Но если проводить параллели с католицизмом, то там для создания ордена требовалось одобрение папы.

– Я понимаю, о чем вы говорите. Хочу только напомнить, что Курия не является церковным орденом в полном смысле этого слова. Мы – объединение прихожан. Нам радостно чувствовать, что наши усилия не пропадают, что зерна, заложенные нашими проповедниками, дают всходы истинной веры. Разумеется, когда патриарх благословит наши труды, это будет самым счастливым днем в нашей жизни.

– Если патриарх благословит ваши труды?

– Нет, – мягко поправил Тостера монах. – *Когда* патриарх благословит наши труды. Я более чем уверен, что это произойдет.

– А что вы можете сказать о досадных слухах, которые окружают деятельность сек... Союза ортодоксов? Мы слышали, что в некоторых городах ваши проповедники инициировали погромы?

– Это гнусная ложь. Никто и никогда не сможет обвинить Курию в подобном: мы прекрасно понимаем, что живем в большой, многонациональной стране. Мы обращаем свои взоры только на христиан и желаем мира со всеми другими людьми.

– Говорят, ваши проповедники публично обличали известных ясновидящих и колдунов...

– А разве когда-нибудь церковь одобряла их деятельность?

– Один из главных лозунгов Союза ортодоксов: «Нет наркотикам!» Вы организуете благотворительные центры реабилитации или распространяете бесплатные одноразовые шприцы среди наркоманов для предотвращения распространения заболеваний? Какой из этих путей вам ближе?

– Никакой, – неожиданно жестко ответил монах, и даже телевизионная картинка сумела передать холодную ярость, блеснувшую в его глазах. – Вы правильно назвали наш лозунг: «Нет наркотикам!», но предлагаемые вами варианты ему не соответствуют. Курия борется не с наркоманами и не с болезнями наркоманов, Курия борется с наркоторговцами.

– Разве это не дело полиции?

Проповедник довольно долго смотрел в лицо «демократического рупора», а затем неспешно, тщательно подбирая слова, ответил:

– Вам будет трудно это понять, Славик: это дело не только полиции, но всех честных граждан и добрых христиан. Кстати, они сумеют увидеть истину и не поверить той грязи, которую льют на Союз ортодоксов.

– Кто?

– Появление сильного течения в рамках традиционной религии помешает разного рода сектам, учениям и прочим язычникам собирать жатву. Так что делайте выводы сами.

Изображение собеседников сменилось рекламой.

– Замечательно, просто замечательно! – Сантьяга потер руки. – Объединение прихожан, во главе которого стоят проповедники, имеющие официальный духовный сан. Великолепно!

Князь, терпеливо смотревший передачу вместе с комиссаром, пошевелился, видимо собираясь задать вопрос, но не успел. Реклама прервалась, вернув телезрителям физиономию Тостера.

– А теперь мы будем взять мнение у независимого эксперта, доктора наук, академика Российской Академии Технологий и Технологических Наук Менахема Иосифовича Шпуня.

– Спасибо, Славик, дорогой, спасибо, рад, искренне рад, что могу быть полезен и смогу высказаться по поднятой тобой теме.

Эксперт Шпунь обладал потрясающей способностью строить длинные, практически неперебиваемые предложения, содержащие массу разнообразной информации. Но это был его единственный недостаток. Добродушно скалящийся улыбкой многоопытного эрудита, одетый в модный костюм прогрессивного цвета, Менахем Иосифович был принят собравшейся в студии публикой куда благосклоннее мрачноватого проповедника.

– К несчастью, семьдесят лет духовной анархии не прошли для нашей многострадальной Родины даром, мутная пена современности выносит на поверхность разнообразные, порядком подзабытые явления, чуждые истинному россиянину, черные сотни, всякие там «союзы хоругвеносцев» и прочие радикалы, прикрывающиеся знаменами патриотизма и православия, страшно подумать, куда бы завели Россию эти деятели, заполучи они власть в свои руки, я хочу сказать, что эта поганая зараза одурманивает молодежь и лишает ее естественных радостей жизни, мне больно видеть, как неокрепшая психика подвергается воздействию таких, с позволения сказать, проповедников. – Короткая пауза и новый виток экспертизы: – Истинным русским чужды подобные организации. . .

– В целом понятно. – Сантьяга выключил телевизор и посмотрел на князя. – Вы что-то сказали?

– Почему ты заинтересовался. . .

– Курией?

– Я слышал название: «Союз ортодоксов».

– Это официально.

– Этот Союз под крылом патриарха?

– Еще нет.

– Ты думаешь, что он может оказаться под крылом патриарха?

Комиссар задумчиво потер кончик носа:

– Исторически сложилось так, что все новинки в этой стране в первую очередь появляются в Москве. Здесь много челов, много денег, и создатели подобных организаций спешат именно сюда.

– Это разумно.

– То, что я успел узнать о Курии, свидетельствует об обратном: становление Союза ортодоксов произошло вдали от столицы. Проповедники очень неохотно приближаются к Тайному Городу.

– Все зависит от первоначальных инвестиций, – проклокотал князь. – Ты рассказывал, что открыть свое дело в Москве достаточно дорого.

– Это так, – кивнул Сантьяга. – Но, судя по активности Курии, с инвестициями у нее все в порядке.

– Дело в нас?

– Я не исключаю такой возможности.

– Любопытно. – Повелитель Нави замер, на несколько секунд превратившись в безмолвную черную статую, затем поинтересовался: – Ты встречался с Никодимом?

– Старец Никодим давно умер, – напомнил Сантьяга. – Его место занял отец Алексей.

– Неважно. Ты был в Забытой пустыни?

– Нет.

– Почему?

– У меня нет доказательств, что Союз ортодоксов использует запрещенные нашим договором с Церковью приемы.

– Допроси какого-нибудь проповедника.

– Я не могу их трогать, – тонко улыбнулся комиссар. – Каждый из них имеет сан священнослужителя. А по нашему договору, если вы помните, священники неприкасаемы.

– Тебя это действительно останавливает?

– Заставляет быть осторожным.

– Ты сканировал проповедников?

– Двух.

– И что?

– Способности чуть выше, чем у обыкновенных челов. Да, их обучали некоторым приемам на основе магической техники, но полноценными магами я бы их не назвал.

– Значит, твои подозрения беспочвенны?

– Или настоящие маги-священники пока прячутся. – Сантьяга помолчал. – К сожалению, я смог добраться только до рядовых уличных проповедников. Встретиться с региональными лидерами, в Курии их называют кураторами, не удалось. Это тоже странно.

– Хорошо. – Князь повернулся к дверям, но остановился. – Договор с человеческой Церковью очень важен для нас, Сантьяга. Если твои аналитики предчувствуют, что Союз ортодоксов скоро проявит себя, то ты должен быть предельно осторожным и ждать. Я хочу, чтобы Тайный Город соблюдал свои обязательства до последней возможности.

\* \* \*

## Офис корпорации «G-RU»

Санкт-Петербург, Васильевский остров,

18 сентября, четверг, 18:51

Помещение не было большим, сто восемьдесят, максимум двести квадратных ярдов, но из-за необычайно высоких потолков, а главное, из-за скромности обстановки оно казалось огромным. Камин, сложенный из грубого серого камня, тяжелый письменный стол, навевающий мысль о готическом средневековье, выполненные в том же стиле книжный шкаф и кресло составляли основное убранство залы. Дальний от стола угол занимали несколько причудливых конструкций из бронзы, стену напротив украшал тонюсенький видеоэкран, прямо над которым устремлялся к потолку высокий, футов шести, черный деревянный крест, оплетенный виноградной лозой.

И никаких окон.

И никаких дверей.

Стены возвышались над деревянным полом не меньше, чем на двадцать футов, и увенчивались стеклянным куполом, который и был единственным, правда, очень большим, источником естественного света, окончательно придавая помещению мрачный облик каменного мешка. Это впечатление еще более усиливалось сейчас, когда нависшая над куполом туча погрузила помещение в угрюмый полумрак. На улице шел дождь, и крупные капли, превращаясь в мощные потоки, стремительно стекали по прозрачному потолку странной обители, а их едва заметные тени пробегали по лицу лежащего на полу мужчины.

Одетый в черные, едва достигающие до щиколоток шаровары и свободную футболку, мужчина лежал прямо на деревянном полу и задумчиво смотрел на плачущее небо. Могучего сложения, с короткими светлыми волосами, аккуратно зачесанными назад, он мог бы сойти за телохранителя – рельефная мускулатура, угадывающаяся под тонкой тканью футболки, сделала бы честь любому спортсмену, но властность, наложившая отпечаток на каждую черточку его лица, отчетливо показывала: этот человек привык приказывать. Сухие, резкие черты, острые, пронзительно голубые глаза, плотно сжатые губы и никакого намека на щетину: кожа выбрита с маниакальной старательностью. Лицо мужчины поражало серьезностью, если не сказать суровостью, невозможным казалось даже представить, как он улыбается. Это было лицо лидера, вожака. Лицо повелителя.

Тишину, царящую в помещении, нарушил тихий, мелодичный перезвон, и по лицу мужчины скользнула тень раздражения, но она так и осталась единственной реакцией на вызов. Мужчина подложил руку под голову и продолжил изучение нависающих над куполом туч. Через пару минут перезвон повторился. Дважды, с интервалом в десять секунд, что показывало важность поступившего сообщения. Мужчина пробурчал под нос несколько слов, не глядя дотянулся до лежащего неподалеку черного металлического шара и чуть сжал его в ладони. На видеоэкране появилась сухая женщина лет сорока. Секретарь.

– Это действительно так важно? – поинтересовался мужчина, не отрывая взгляд от бегущей по потолку воды.

– Глеб, председатель совета директоров хочет узнать ваше мнение относительно событий на лондонской бирже.

За семь лет работы на этого человека она научилась не удивляться тому, в каком виде он иногда появлялся на экране. Впрочем, по ее глубокому убеждению, владелец мощной финансовой компании мог себе позволить некоторую эксцентричность.

– Мы потеряли деньги?

– Как раз наоборот: мы неплохо заработали на предсказанной вами панике, но председатель хочет скорректировать планы на завтра. К тому же нью-йоркские брокеры просят инструкций...

Мужчина закрыл глаза.

– Чем занимается аналитический отдел? Сидит в баре?

– Все сотрудники на рабочих местах, – невозмутимо отрапортовала секретарь. – Они уже дали свои предложения, но председатель...

– Я хочу, чтобы он принял решение самостоятельно.

– Хорошо.

– И не отвлекайте меня больше.

– Разумеется.

Экран умер.

Еще с минуту Глеб продолжал лежать на полу, затем катнул шар в направлении письменного стола, легко, одним движением поднялся на ноги и потянулся, разминая мышцы. В общем-то, он и лежа не казался малышом, но сейчас, вытянувшись во все свои шесть футов и семь дюймов, Глеб производил впечатление настоящего гиганта, способного похода, одной рукой передвинуть вдоль стены здоровенный камин. И двигался он соответственно: неспешно, без лишней грации и мягкости, но твердо, уверенно, так, как в далекие времена шла в бой панцирная пехота. Невозможно было даже представить препятствие, способное заставить Глеба отклониться с выбранного пути. Как говорится: «У носорога плохое зрение, но при его весе это должно волновать других».

Кстати, у этого носорога действительно было неважное зрение. Подойдя к столу, Глеб взял утреннюю газету, сложенную так, чтобы выделить нужную заметку, некоторое время просто подержал ее в руке, затем надел элегантные очки и в десятый раз за сегодняшний день перечитал сообщение.

«Весь православный мир с тревогой следит за новостями из Москвы, из Центральной клинической больницы, куда сегодня ночью доставили патриарха. Напомним, что Его Святейшество почувствовал недомогание во время визита во Владивосток, был госпитализирован и немедленно переправлен в столицу...»

Стол был погребен под ворохом дополнительных материалов: вырезки из других газет, распечатки теленовостей, сообщения от шпионов и осведомителей, но Глеб снова возвращался именно к этой заметке. Почему? Она не была первой, состояла из общих фраз, но она была именно тем, что требовалось сейчас Глебу: выжимкой. Подробная информация анализировалась в его голове, факты обрабатывались, сопоставлялись друг с другом, рассчитывались последствия тех или иных действий, делались промежуточные выводы, а штампованные предложения безвестного репортера не позволяли отвлечься от темы.

На этот раз тишину нарушил негромкий удар гонга.

– Наконец-то! – Глеб бросил газету на стол и, не снимая очки, подошел к одной из конструкций, увенчанной овальным, слегка изогнутым зеркалом. – Наконец-то!

Поверхность зеркала закрывала плотная белая пелена, но после того, как мужчина начертил на обратной стороне несколько символов, она медленно растаяла, и перед внимательным взглядом Глеба явилась большая больничная палата.

– Здравствуйте, Ваше Святейшество.

Плотный старик с окладистой седой бородой лежал на стоящей у окна кровати. Его грудь мерно вздымалась, глаза были закрыты, и находящиеся в комнате приборы мерным гудением подтверждали, что кризис у пациента миновал. В углу, на простом неудобном стуле читала книгу средних лет сиделка.

– Посмотрим общее состояние.

Глеб взял маркер и аккуратно начертил на поверхности зеркала заковыристый иероглиф. Несколько секунд конструкция обдумывала приказ, после чего иероглиф исчез, само изображение подернулось рябью, цвета поблекли, потускнели и в конце концов растворились, оставив лишь контуры человеческих фигур, прорезаемые черными и серыми пятнами.

Сиделке скоро предстоит удаление аппендицита... При чем здесь сиделка? Женщина не интересовала Глеба, а угрожающую кляксу в ее животе он отметил автоматически: глаза, привыкшие снимать максимум информации, передали в мозг ненужную подробность, поняли свою ошибку и сосредоточились на главном, на патриархе. Черные нити опутали сердце, подозрительная тьма в районе почек, серые пятна у желудка... Глава Русской Православной Церкви не то чтобы был болен: действительно опасных пятен было немного, но угрожающая серость сковала его тело. Мужчина, лежащий в ЦКБ, был стар, и в его плохом самочувствии не было ничего странного. С такими показателями патриарх мог умереть через минуту, а мог прожить еще тридцать лет.

– Непонятно. – Глеб провел рукой по зеркалу, заставив его вновь покрыться дымчатой пеленой, и повторил: – Непонятно.

Слишком многое поставлено на карту, слишком многое. Годы подготовки и размышлений, годы напряженного труда и локальных успехов. Глеб не обманывал себя: он действительно добился многого. Получалось все, за что бы он ни брался, и миллионы людей тратили всю жизнь на то, чего Глеб достигал походя. Но теперь оставалось самое главное, самое сложное: свести воедино все достижения последних лет, превратить мелкие победы в грандиозную викторию. Момент был необычайно удачным: патриарх, в силах которого было серьезно помешать планам Глеба, пребывал вне игры, и за два-три дня вполне можно успеть реализовать задуманное. Годы упорного труда завершатся серией стремительных ударов. Короткой, мощной серией, требующей всего нескольких дней. Эти дни есть. А в следующий понедельник ничье мнение уже не будет иметь значения.

– Войны выигрывает не тот, кто ударит первым, а тот, кто ударит вовремя. – Он посмотрел на переплетенный виноградной лозой крест. – Время пришло.

Ждать смерти патриарха бессмысленно: за освободившееся место развернется нешуточная борьба между самыми могущественными силами страны. Драки Глеб не боялся, но предпочитал идти к своей цели кратчайшим путем. Сейчас конкуренты не готовы, и его неожиданный удар станет для них неприятным сюрпризом.

«Несмотря на то, что не в правилах РПЦ выносить на преждевременное обсуждение деликатные вопросы, аналитики уже пытаются понять, кто является наследником Его Святейшества. Большинство наблюдателей склоняются к мысли, что вероятных кандидатов два: митрополит Феофан, управляющий финансовыми потоками РПЦ, и митрополит Даниил, известный своими богоугодными делами...»

Кошелек и благотворитель. О каждом Глеб мог сказать значительно больше, чем они знали о себе сами.

«Мы молимся за здоровье Его Святейшества. Все священнослужители, все прихожане, все, кому небезразлично...»

Это из высказываний Даниила, Феофан отмалчивается.

Самым неприятным было то, что, несмотря на прилагаемые усилия, Глебу так и не удалось привлечь в свою команду высококлассного предсказателя. Способностей его помощников хватало разве что на удачную игру на бирже да в казино. И только. В делах, где участвовали

Великие Дома, они давали такую погрешность, что Глеб уже давно перестал интересоваться их мнением. Приносят пользу бизнесу – и ладно.

Кошелек и благотворитель. Кто-то из них должен стать первым. Кто? Выставлять темную лошадку нельзя: стремительная атака предполагает использование раскрученной фигуры, кого-то надо подвинуть. Кого?

Глеб прикоснулся к кресту, перекрестился, сделал несколько шагов в сторону и плавно прошел сквозь казавшуюся незыблемой стену.

Недавно отстроенное здание корпорации «G-RU» располагалось слегка на отшибе, на самом краю Васильевского острова, и с его крыши открывался великолепный вид и на залив, и на центр Санкт-Петербурга. Золотой шпиль Петропавловской крепости, изысканность Зимнего, знаменитые мосты, прорезающие широкую грудь Невы...

Глеб ненавидел этот город. Ненавидел из-за свинцово-серого неба, из-за вечного, рвущего легкие ветра, который гнал залив на бывшие болота, ненавидел из-за дождя, готового пролиться в любую секунду. В свое время за городом хотя бы следили, любовно стирая с его лица последствия ударов беспощадного дыхания моря, но коммунисты перестали заботиться о колыбели своего переворота, лишь изредка проходясь швабрами по фасадам, и превратили Северную Пальмиру в угрюмое поселение на болотах. А потом, словно в насмешку, вернули гордое имя «Санкт-Петербург», хотя начать следовало с разгребания помойки. Глеб по-прежнему называл город Ленинградом, и отнюдь не по привычке. Просто, в понимании гиганта, город в своем нынешнем виде не имел права называться по-другому.

– Будет шторм.

– Ничего удивительного.

– Глебу надо подумать?

На крыше был установлен непромокаемый тент, под которым пряталось скрипучее кресло-качалка. Тент не позволял местным тучам выливать свое содержимое на голову сидящего, но не спасал от промозглого ветра. Поэтому, как только Глеб опустился в кресло, здоровенный, не ниже семи футов великан заботливо укутал его ноги толстым пледом.

– Глебу надо подумать?

– Да, Нар, Глебу надо подумать.

– Нар все понимает.

На фоне этого великана фигура Глеба чуточку потерялась. Нар был выше хозяина всего на несколько дюймов, но гораздо массивнее, мощнее. Колонноподобные ноги, руки, напоминающие о лапах белого медведя, круглая лысая голова, покоящаяся на бычьей шее. Картину довершали сильно оттопыренные уши, маленький, крючковатый нос и бесцветные глаза, смотрящие на мир из-под тяжелого, низкого лба.

– Пусть меня никто не отвлекает, – попросил Глеб. – Даже Нур.

– Хорошо.

Нар подал хозяину большую кружку с грогом, отошел к стене и присел на корточки. Великан знал, что Глеб может смотреть на залив часами, иногда выпивая при этом до десяти кружек грога, иногда медленно потягивая одну-единственную, но всегда – не отрывая глаз от моря. Такое случалось только тогда, когда Глеб решал действительно серьезную задачу. Это его дело – решать серьезные задачи. А дело Нара – помогать Глебу решать серьезные задачи, и так же, как Глеб не отрываясь смотрел на залив, Нар не отрываясь, как верная собака, смотрел на Глеба. Ожидая знака или приказа.

Глебу надо подумать.

## Глава 2

«Состояние патриарха остается стабильным. По сообщениям врачей ЦКБ, Его Святейшество пребывает в прекрасном настроении и проходит стандартный курс реабилитации. В настоящее время ему рекомендован полный покой, но уже через несколько дней патриарх намерен лично обратиться к пастве...»

(«КоммерсантЪ»)

«Как отразится болезнь патриарха на поведении челов? Великие Дома не отреагировали на недомогание лидера человеческой церкви, показывая, что не видят никаких проблем в сложившейся ситуации. А положение между тем угрожающее. В РПЦ нет явного наследника, которого поддерживало бы большинство митрополитов, а следовательно, начнется борьба...»

(«Тиградом»)

\* \* \*

**Акватория Карибского моря, 18 сентября,**

**четверг, 12:33 (время местное)**

– Только слитки или есть что-нибудь приличное? – Юрбек Томба, один из директоров Торговой Гильдии и ведущий антиквар Тайного Города, бесцеремонно приподнял крышку ближайшего ящика. – Предупреждаю сразу: слитки возьму по оптовым ценам, мне эта ерунда ни к чему.

– А почему ты решил, что я что-нибудь продам? – грубовато осведомился Кортес. Внезапное появление на острове пронырливых торговцев не очень обрадовало наемника, и он не собирался скрывать свое раздражение от наряженных в тропические костюмы шасов.

– Никогда не поверю, что ты будешь чахнуть над золотом, – улыбнулся Юрбек, не отрывая взгляд от наполняющих ящик желтых брусков. – Это не в твоих правилах.

– А что в моих правилах?

– Наличные. Новенькие хрустящие банкноты, имеющие хождение во всем мире.

Наемник фыркнул, но спорить не стал.

– А куда вы спрятали произведения искусства? – Как все шасы, Томба был черноволос и длиннонос, а цепкий взгляд его живых темных глаз быстро, но надежно фиксировал даже мельчайшие детали. – Что у вас в этом ящике?

– Тоже слитки, – сдался Кортес.

– Вы их взвешивали?

– Еще не...

– Удивительная небрежность! – Юрбек выудил из саквояжа весы и стал аккуратно прилаживать чаши. – Нугар, что у тебя?!

Нугар Кумар, партнер Томбы по антикварному бизнесу, деловито обшаривал остальные ящики.

– То же самое! Кортес, ты уже нашел судовую казну? А, вижу. – Кумар кряхтя поставил на песок зеленоватый сундучок, откинул крышку и облизнулся. – Пиастры.

– Это уже кое-что, – оживился Юрбек. – Кортес, ты разбираешься в нумизматике?

– В какой-то мере...

Томба опустил на песок рядом с Нугаром, и шасы принялись увлеченно изучать в лупы старинные монеты.

– Прекрасное состояние.

– Некоторые придется почистить.

– Не думаю...

– Мы говорили о нумизматике, – напомнил наемник.

– Все монеты сразу продавать нельзя – обрушим рынок, – нравоучительно, но чуточку рассеянно отозвался Юрбек. – Поэтому часть мы у тебя возьмем по настоящей цене, а остальное, ты уж извини, на вес, этот товар попридержать надо.

Мимо замерших над золотом торгашей пролетела небольшая стайка детей, двое из которых, самого злодейского вида, уже размахивали антикварными абордажными саблями. Собеседников обдало гомоном и...

– Внуки, – безмятежно сообщил Юрбек, сдувая с монет песок. – Как только узнали, куда я собираюсь, сразу пристали: возьми с собой.

– Мелюзга, – добавил Нугар, – им все интересно.

– Им ведь не объяснишь, что даже на курортный остров дедушка едет по делам.

– Папа, папа, мы нашли пушку!!

– Внуки? – поднял брови до того молчавший Артем.

– Ну, не только, – широко улыбнулся Юрбек.

– Дедушка, а можно мы полазаем по галеону?

Шас покосился на наемников.

– Надеюсь, там нет скелетов?

– Было несколько, – буркнул Кортес. – Мы их похоронили.

– Тогда все в порядке. – Томба повернулся к детворе и махнул рукой. – Идите, только осторожно!

Наемники тоскливо посмотрели, как малолетние шасы азартно бросились к старинному кораблю, и переглянулись.

– Кстати, Юрбек, – пробурчал Кортес, – ты так и не сказал, откуда узнал о...

– Какой чудесный островочек!

– Птиций, ты просто чудо!

– Птиций, ты такая лапочка!

– Птиций, ты так здорово придумал!

– А я?

– Мурций, ты просто неподражаем!

– Мурций, ты великолепен!

Концы появились из портала в окружении небольшого гарема длинноногих девиц на любой вкус: светленьких, темненьких, худеньких, полненьких, но, к сожалению, слишком шумных. Весь Тайный Город жаждал узнать, за счет чего низкорослые, лысые толстяки пользуются бешеным успехом у противоположного пола, но концы свято хранили свою главную и единственную тайну.

– Как-то здесь дико, – пробурчал Птиций, оглядывая лагерь наемников.

– Неуютно, – подтвердил Мурций. – Необустроено. – Он помахал рукой в ожидании, что услужливый официант вложит в нее бокал с коктейлем, не дождался и удивленно вздохнул: – Суровые края.

Не получившая ожидаемого рука плавно опустилась на ближайшую женскую попку.

– В этом есть своя прелесть.

– А где здесь лагуна?

– Пойдемте купаться!

– Мальчики, отведите нас купаться!

– Не сразу. – Освоившиеся концы заметили вертящихся возле ящиков шасов и сделали стойку. Тяга к украшениям стояла у них на втором месте после любви к красоткам, и даже в тропиках пальцы Мурция и Птиция были едва заметны под многочисленными перстнями.

– Кортес, у тебя только слитки или есть что-нибудь приличное?

– Я бы прикупил медальончик. – Птиций почесал животик, на который ниспадала толстенная золотая цепь. – А то хожу как голый.

– А я бы не отказалась от сережек, – сразу же вставила одна из девиц.

– Сладенькая, зачем тебе цацки? Ты красива, как Нефертити. – Мурций чмокнул подружку в плечо и мягко развернул ее в противоположном от ящиков направлении. – Иди, вкусненькая, поплавай в лагуне. Мы вам потом расскажем, было ли здесь что-нибудь интересное или нет.

Тем временем Птиций вскрыл ближайший ящик и радостно взвизгнул:

– Украшения! Кортес, продай вот это колесо на медальон.

– Аукцион будет завтра вечером, – строго отрезал Юрбек, отнимая у конца добычу. – Не мешайте работать.

– Юрбек, вы хам, – сообщил Мурций. – И с каких это пор вы стали поверенным Кортеса?

– Должен же кто-то учить челов уму-разуму.

– Какой еще аукцион? – опешил Артем.

– Кортес, даю две тысячи!

– Завтра! – зарычал Томба. – Сегодня вечером мы раздадим бесплатные проспекты с подробным описанием лотов, и вы выберете побрякушки по вкусу.

– Кортес, две с половиной тысячи!

– Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

Но Мурций, прочитавший в глазах шаса чуть больше, чем приятель, торопливо потащил Птиция к лагуне.

– Завтра так завтра. Тебе что, не терпится расстаться с деньгами? Девочки, мы идем купаться!

– Здорово!

– Птиций, здесь есть отдельные лагуны?

– Мурций, а где мы будем ночевать?

– В палатке.

– Как романтично!

– А у тебя будет большая палатка?

– Биджар пообещал, что у меня будет самая большая палатка. К тому же – звуконепроницаемая.

– Биджар! – В глазах Кортеса вспыхнул нехороший огонек.

В принципе Биджар Хамзи, управляющий самым большим супермаркетом шасов и самый молодой из директоров Торговой Гильдии, являлся близким другом наемника, но иногда неумная энергия делового шаса приводила Кортеса в бешенство.

– Можно не шуметь? – недовольно проворчал Нугар, взвешивающий слиток. – Вы мне мешаете.

– Вы это, действительно, прогуляйтесь по острову, – предложил Юрбек, вцепившийся в ящик с изделиями древних мастеров. – Переговорим позже.

Наемники отошли к шезлонгам.

– Это всё – Биджар, – убежденно заявил Кортес. – Но как он узнал?

– Кажется, я догадываюсь, как...

Очередной портал выплюнул на побережье Карибского моря огромную тушу приставника.

– Христофан!

– Жарко! – сообщил гигант, затем приветственно рыгнул и вскинул вверх правую руку: – Ром! Лучшее, что изобрели для жарких стран!

Наемники не сразу разглядели бутылку пиратского нектара в громадной лапе приставника.

– Это твои проделки? – угрюмо поинтересовался Кортес.

В ответ раздалось задорное бульканье: ром проваливался в глотку приставника, вызывая покачивание гигантской фигуры. При этом приставник, голову которого украшали длинные волосы и косматая борода, отчаянно напоминал растолстевшую пальму.

– Его, – уверенно бросил Артем.

– Мои, – согласился Христофан вытирая губы. – Помнишь, Кортес, как ты уговорил меня продать одну-единственную диадему?

Артем прыснул в кулак, но тут же подавил смешок. Он хорошо помнил, как, воспользовавшись ситуацией, Кортес опустошил неблагоразумно вскрытый доверчивым Христофаном клад почти на треть.

– Нехорошо быть таким злопамятным, – негромко заметил Кортес.

– Я не злопамятен, – улыбнулся Христофан. – Просто, когда Биджар спросил, не знаю ли я, куда вы подевались, я не стал ему врать.

– И что он сделал?

– Растрезвонил об этом на весь Тайный Город, – с этими словами к наемникам подошли Инга и Яна. – Вся сеть забита рекламой нашего острова.

Кортес взял у рыжей компьютер и нахмурился: прямо на главной странице **t-grad.com**, ключевого сайта информационного канала Тайного Города, гордо красовался баннер: «Золото инков от современных конкистадоров! Кортес оправдывает свое имя!» Егор Бесяев, вице-президент «Тиградкома», крайне неохотно соглашался на размещение рекламы на первой странице, стоило это удовольствие огромные деньги, и незатейливый баннер отчетливо указывал, что Биджар Хамзи играл по-крупному.

«Невероятное предложение от известной компании экстремального туризма „Неприятные Ощущения“! Поиск клада on-line! Вы хотите лично понаблюдать, как выкапывают настоящие сокровища? Вы хотите прикоснуться к тайне и позагорать под теплым солнцем? Тогда наше предложение для Вас!

Лучший наемник Тайного Города Кортес любезно согласился продемонстрировать публике только что найденное золото инков! Старинный галеон, чудом уцелевший в отчаянной схватке с пиратами, был выброшен на скалы далекого острова, затерянного под теплым карибским солнцем (температура воздуха не более 30 градусов по Цельсию, температура воды не менее 24 градусов по Цельсию)! Невероятно, но факт – древний человеческий галеон, под завязку набитый бесценными сокровищами (аукцион состоится в пятницу, в 19:00), сотни лет пролежал нетронутым на чудесном пляже (шезлонги и полотенца бесплатно) и только недавно благодаря счастливому стечению обстоятельств был найден удачливыми наемниками (расценки на услуги команды Кортеса можно найти на официальной странице компании «Неприятные Ощущения»)! У вас появилась уникальная возможность прикоснуться к Истории и приобрести подлинные изделия инков (имеются сертификаты Торговой Гильдии)! Торопитесь, количество путевок ограничено размерами острова!»

– Какие еще пираты? – поморщился Кортес.

– Такие, – брякнул Христофан, – с пушками. – Здоровяк покачнулся и нетвердо обзрел окрестности. – Где тут ближайший холодильник?

– Рома там нет! – отрезала Яна.

– Обойдусь коньяком, – парировал приставник. – Не маленький.

С этим заявлением спорить не хотелось, тем более что на пляже вновь закрутился вихрь межконтинентального портала. На этот раз – грузового.

– Быстрее, быстрее! Знаете, сколько стоит секунда такого перехода?! Вам такие деньги даже не снятся, огрызки Спящего! – Биджару Хамзи, одетому в классический костюм колонизатора (белые шорты, белая сорочка, пробковый шлем), не хватало лишь хлыста. – Угроздило же меня с вами связаться!

– Хозяин, не ругайтесь, мы очень торопимся!

– Шустрее торопитесь, клиенты уже подтягиваются!

Несколько Красных Шапок, во главе с уйбуем Копыто, с поразительной для этой семейки резвостью вытаскивали из портала многочисленные тюки, коробки, ящики и мешки, содержащие различные блага цивилизации, позволяющие превратить заброшенный остров в уютный курорт для изысканной публики.

– Биджар!! – рявкнул Кортес. – Наконец-то!!!

– Добрый день, друзья, извините, что задержался – много дел. – Хамзи вытер пот и тут же обернулся к Красным Шапкам. – Значит, так, шпана, начинайте ставить палатки вон на той поляне. Шезлонги протереть и расставить на пляже. На все – полчаса! Понятно?

– Хозяин, а когда нас будут кормить?

– Когда заработаете.

– Хозяин, а можно сделать солнце потише?

– А будете болтать в рабочее время – на кормежку не рассчитывайте! Да еще за дорогу будете платить.

– Мы не болтаем!

Дикари рысью бросились в указанном направлении.

– Очень много дел, – повторил Биджар. – Я, когда узнал, что вы втихаря клад копаете, сначала обиделся, а потом понял, что вы очень торопились, не успели все подготовить, и решил помочь.

– Чем помочь?

Следующий портал выбросил на пляж три двадцатифутовых контейнера, к которым немедленно ринулись Красные Шапки. Почти одновременно возник переход, по которому прибыли гости: тройка оживленно жестикулирующих эрлийцев, группа навов, озирающихся в поисках сокровищ, с полдюжину шасов, обремененных детьми и женами, несколько молодых чудов, наперебой флиртующих с подружками... Энергичному Биджару удалось взбудоражить весь Тайный Город, и тихий островок начал напоминать муравейник.

– Я продаю туры от «Неприятных Ощущений», – поведал Хамзи. – Бизнес, что поделаешь... Но вы, ребята, не волнуйтесь – вы в доле.

– Мы в доле?! – возмутился Кортес. – И это говорится о нашей фирме!

– Я знал, что мы найдем общий язык, – рассмеялся шас. – Ажиотаж я обеспечил знатный: туры продавались, как горячие пирожки. Расходы на рекламу и антураж мы оправдали через час после начала продаж, а потом пошла чистая прибыль. – Биджар блаженно прищурился. – Тайный Город сошел с ума: все хотят поучаствовать в аукционе и поглазеть на настоящий галеон.

– А Красных Шапок зачем притащил? – спросил Артем.

– Понимаешь, – Хамзи почесал подбородок. – Везти сюда подсобных рабочих крайне невыгодно: стоимость перехода, почасовая оплата, командировочные... А эти согласились пахать за кормежку.

– С чего бы вдруг? – подозрительно нахмурился Кортес.

– Копыто сказал, что у него есть какой-то бизнес-проект.

– Давай, мля, мы будем твоей охраной? – предложил высунувшийся из-за спины Биджара уйбуй. – У тебя здесь золота немерено, а мы, мля, все защитим. Только скажи, где оно...

Кортес застонал.

– Сначала палатки, – распорядился Хамзи, отправляя Копыто на службу. – Не успеете вовремя, шкуру спущу.

– Подумай, Кортес, – пискнул уйбуй, послушно направляясь к подчиненным. – У нас, мля, расценки хорошие.

– В любом случае ничего уже не вернешь, – грустно заметила Яна. – Отпуск закончился.

– Яна, неужели ты обиделась на старого Биджара? – Шас плутовато улыбнулся. – Я ведь совсем забыл сказать, что собираюсь развернуть здесь небольшой ресторан, повара уже прибыли, и два бара. Разумеется, для организаторов бесплатно. Плюс персональный официант...

– Биджар, что бы мы без тебя делали? – Инга посмотрела на Яну и засмеялась.

– Готовили бы еду своим мужчинам, – поморщился Хамзи. – Как в доисторические времена.

Остров преобразался на глазах. В выстроенные ровными рядами палатки заносили мебель, справа прорисовывался контур ресторана, к которому уже подвели водопровод и электричество, на воду спускали скутеры и гидроциклы. Из лагуны доносился смех, из зарослей – щебет, довольный Христофан блаженно храпел в гамаке Кортеса, шасы деловито фотографировали для аукциона драгоценные изделия, а два сотрудника Службы утилизации расставляли наводящие морок артефакты.

– Вечером устроим шоу рядом с галеоном, – поведал Хамзи. – Концы уже написали сценарий и заключили контракты с артистами. Скучно не будет – обещаю. – Он снова улыбнулся. – Наслаждайтесь отдыхом, а я пойду командовать.

– Хозяин, – грязный указательный палец Копыта постучал по пробковому шлему шаса-колонизатора. – Хозяин, там Иголка обгорел, надо бы того, больничный выписать, мля... Жертва труда...

– Если он не может работать, – немедленно среагировал шас, – на бесплатный обед пусть не рассчитывает.

– Биджар! – окликнул шаса Артем.

– Да?

– Спасибо, что дал нам три дня.

– Не стоит благодарности, – махнул рукой Хамзи. – Мы же друзья.

\* \* \*

## **Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь**

**Москва, Ленинградский проспект,**

**18 сентября, четверг, 20:34**

Тонкие линии металлических конструкций, изящно изогнутое стекло, футуристические светильники, кожа, пластик, снова стекло и сталь – кабинет Сантьяги преобразился полностью, и только три вещи остались в нем от прежней обстановки: три гениальных полотна Аркадия Ивова. Правда, им пришлось сменить рамки, но антураж не был способен повлиять на мощную

энергетику холстов. И именно возле них стоял князь, когда переодевшийся в легкие белые брюки и свободную сорочку комиссар вернулся в кабинет.

– Понравились?

– Я заберу их у тебя. Распорядись.

– Не продаются, – покачал головой Сантьяга.

Из-под капюшона долетело недовольное сопение повелителя Нави.

– Полотна не подходят к новой обстановке. Даже с другими рамочками.

– Не продаются, – повторил комиссар. – Но я разрешаю вам приходиться и смотреть на них в любое время.

Фигура в черном плаще медленно прошла вдоль нового стола Сантьяги, пару мгновений провела у настенного светильника, слегка поблескивающего платиной, и остановилась у современной полочки.

– Пытаетесь выразить свое восхищение? – осведомился комиссар. – Лично я весьма доволен работой Усама Турчи. Прекрасный дизайнер.

– И во сколько обошлись Великому Дому твои забавы?

Нав остается навом, даже будучи князем.

– Я не обидел Торговую Гильдию, – скупое ответил Сантьяга. – Вы ждали меня, чтобы проверить смету?

– Я думал насчет нашего разговора.

– Неплохое занятие, – одобрил комиссар. – Вам потребовалась помощь?

– Сантьяга, – голос князя прозвучал чуточку утомленно. – Иногда я от тебя сильно устаю.

– У меня отличное настроение, – объяснил комиссар. – Я отправляюсь в путешествие.

На этот раз повелитель Нави издал нечто среднее между стоном и хрипом. Прозвучал звук сдавленно, вызвав легкое удивление Сантьяги.

– У нас назревает кризис.

– Вы запретили мне предпринимать что-либо, – напомнил комиссар.

– Когда ты вернешься?

– К сожалению, скоро. Уверен, вы не успеете наломать дров.

Князь неожиданно откинул капюшон, и пронзительный взгляд его желтых, глубоко запавших глаз устремился на Сантьягу.

– Надеюсь, ты хорошо понимаешь ситуацию?

– Когда-нибудь было иначе?

Повелитель не нашел что возразить. Он мрачно оглядел вызывающе белую, невозможную для нава, одежду комиссара, презрительно царапнул когтем стекло футуристической полки и поинтересовался:

– Патриарх действительно болен?

– В его возрасте любая мелочь способна привести на больничную койку. Наше сканирование не обнаружило каких-либо опасных симптомов, но в плохом самочувствии чела нет ничего странного.

– Его не могли отравить? Или воздействовать при помощи магии?

– Вы забываете, что патриарха охраняют монахи Забытой пустыни.

– Что показало твое сканирование?

– Никаких следов внешнего воздействия.

– Это хорошо. – Князь отвернулся. – Тем не менее, ты увязываешь активность Курии с болезнью патриарха?

– Да, – кивнул комиссар. – Я уверен, что связь существует. Союз ортодоксов борется за власть в церкви.

– Это могут быть простые человеческие игры.

– Тогда почему они не действуют в Москве? – Сантьяга улыбнулся и поправился: – Не действовали в Москве?

– Это только твои подозрения.

– Союз торопливо стремится к широкой известности, и его главные ходы впереди, – комиссар прищурился. – Через неделю, максимум через две он получит, что хочет, но перестанет вызывать живой интерес публики. Он станет просто известной организацией. Проанализировав деятельность Курии, я пришел к выводу, что ее лидеры ждут от рекламной акции другого. Они проявляют активность, желая добиться чего-то определенного. Отсюда следует вывод: ближайшие дни принесут нам немало сюрпризов, возможно – неприятных.

– А Забытая пустынь, по твоим словам, пребывает в своем нормальном полусонном состоянии... Ее нынешний лидер не амбициозен?

– Лидеры Забытой пустыни не бывают амбициозными, – заметил Сантьяга. – Монахи очень щепетильны в этом вопросе.

– Церковь стоит слишком близко к Тайному Городу. – Князь подошел к полотну, изображающему цунами. – На расстоянии удара. Немедленно сообщай мне о любых событиях, связанных с Союзом ортодоксов.

– Обязательно. – Комиссар надел солнцезащитные очки. – Вы уходите или еще полюбу-етесь МОИМИ картинами?

– Может, ты скажешь, куда собрался?

– Кортес выманил у приставников галеон, полный золота инков. Я еду на вскрытие.

– Зачем?

– Любопытно.

\* \* \*

## Украина, Киев, аэропорт «Борисполь»,

**18 сентября, четверг, 20:57**

Он запрещал себе думать о том, правильно ли поступил – поступить иначе он не мог. Просто не мог, этим все сказано. А сомнения теперь бессмысленны и вредны, ибо любая нерешительность, любое замешательство грозят смертью. Иван понимал, что Глеб его не простит. И уж тем более Нур, зубастый карлик с бесцветными глазами, карикатурно копирующий манеры хозяина. Он мог быть хорошим шутком, но предпочел стать псом, умным и безжалостным, и не успокоится, пока не сомкнет клыки на шее отступника.

Иван помешал ложечкой чай и сделал большой глоток. Заварка, конечно, отвратительна, дешевый пакетик, зато крепкая. Хазаров любил хороший чай, разбирался в нем, отдавая предпочтение черному, цейлонскому, но с обязательными добавками трав. Многочисленных сибирских трав, придающих напитку невероятный аромат. Или ягод. Облепиха, клюква, брусника... Чаи, которые делал Иван, восхищали. Случалось, что Глеб, отложив все дела, прилетал в Читу только для того, чтобы опустошить с Иваном самовар-другой великолепного напитка, поговорить по-дружески или просто помолчать, наслаждаясь короткими минутами покоя и умиротворения.

Теперь Глеб хочет его убить...

Последние два месяца они жили вместе с Иваном в небольшой избушке на окраине Читы, хотя обычно вновь прибывшие проповедники не задерживались в штабе координатора больше недели. Хазаров определял для них территорию, подыскивал жилье и отправлял работать на благо Курии, нести пастве Слово Божие. С этими двумя получилось иначе. Антон Городов и Миша Кузьмин, хорошие ребята и перспективные маги. Когда-то их отыскал и привел в Союз ортодоксов сам Иван, помог увидеть силу, осознать свои способности, отправил в Дальний скит... Через два года Антон и Миша вернулись к Ивану совсем другими людьми.

Они согласились с предложенной координатором областью, но переезжать не спешили, оставаясь на виду у Ивана. Или не выпуская его из виду. «Они своеобразные парни, – высказался Нур. – Хочу, чтобы ты присмотрел за ними». Но верить словам карлика мог только Глеб, остальным Нур говорил то, что считал нужным.

Своеобразие Антон и Миша проявили неделю назад, повергнув Ивана в настоящий шок. Их дикая выходка перевернула мир, обрушила небеса на землю, но... Хазаров постарался ничем не выдать свое состояние. Он понял: подозрительный Нур приготовил проверку. Иван сделал вид, что прошел ее. Нур сделал вид, что поверил. Антон и Миша оставались жить у куратора. И целых семь дней Иван был вынужден делить кров и улыбаться людям, которых он возненавидел.

Молодые проповедники спали по очереди, поэтому Антона Хазаров убил первым. «Эльфийской стрелой», в сених, когда проповедник, облегчившись, возвращался в дом. А Михаил умер во сне, полной грудью вдохнув ставший ядовитым воздух.

«Я не хотел! – Старик сжал крест. – Господи, ты же знаешь, я не хотел! Я не прошу у тебя снисхождения, я знаю, что этот грех невозможно искупить, но, Господи, ты знаешь, ты не можешь не знать, что я хотел совсем другого!»

Невкусный чай совсем остыл и превратился в совершенно непригодный для питья раствор.

Иван знал, что, покинув Курию, он должен будет решить, к кому идти, где искать силу против Глеба. Теперь они стали врагами, а у врагов принято пытаться уничтожить друг друга. Справиться с Союзом ортодоксов в одиночку нереально, значит, надо искать поддержку. Два варианта. Две дороги, каждая из которых приведет его к врагам Глеба. Оставалось выбрать правильных врагов. Тех, кто уберет Глеба с минимальными потерями для дела.

– Внимание! Началась регистрация на рейс Киев – Москва. Пассажиров просят пройти...

Вариантов было два, но путь к врагам Глеба один: в Москву, в Тайный Город. Старик поднялся из-за столика и неспешно направился к указанной в объявлении стойке.

К кому обратиться?

\* \* \*

## Дальний скит

Пермская область, 18 сентября,

четверг, 21:02 (время местное)

Как обычно, ее сопровождала рысь. На этот раз одна, но очень крупная. Пушистая тварь важно вошла в камеру, брезгливо принюхалась и замерла у двери, не сводя желтых глаз с пленника. В ее появлении не было необходимости: в своем нынешнем состоянии Дитрих не был способен нанести Чио вред, но матушка любила диких кошек.

Она появилась следом. Высокая, стройная, с собранными в простой узел черными волосами. Чио некоторое время изучала пленника, и на ее губах играла знакомая, ничего не выражающая улыбка. В представлениях Дитриха, челы восточных семей были сдержанными, и матушка Чио полностью этому соответствовала. Понять, какие мысли скрываются за непроницаемыми черными глазами и вечно спокойным лицом, было невозможно, но легкая полуулыбка завораживала, была фирменной маркой, и, как понимал рыцарь, никогда не отражала реальных чувств матушки.

– Я знаю, ты мне не веришь, – негромко произнесла женщина. – Но все равно хочу предложить сделку.

– Какую?

– Честный поединок во имя свободы.

– Я не гладиатор!

– Ты им станешь в любом случае, – пожала плечами Чио.

– Я не буду драться.

– Тогда против тебя выйдет не мастер, а новичок. – И снова отстраненная, но завораживающая полуулыбка.

Дитрих служил в гвардии много лет и понимал, что женщина права. Даже если он откажется драться, его все равно используют для подготовки воина. Выпустят зеленого юнца, которому необходимо почувствовать вкус крови, научиться быть жестоким, и заставят его уничтожить врага. В данном случае сопротивления как раз не требовалось, но согласиться на такую роль рыцарю было еще горше.

– О какой сделке ты говоришь?

– Свобода.

– Ты права – я тебе не верю.

– Ситуация очень простая, – с прежним спокойствием продолжила Чио. – Ты не знаешь, кто мы и где сейчас находимся. Ты не несешь нам угрозу. Более того, максимум через полгода ты станешь для нас абсолютно безопасен. – Дитрих бросил на женщину быстрый взгляд, но... эти проклятые непроницаемые глаза! И ровный голос. – Поэтому я предлагаю заключить контракт на шесть месяцев. Ты будешь сражаться с соперниками, которых я назначу, и если против тебя будет выходить маг, то перед боем ты будешь получать энергию для заклинаний. Каждый бой насмерть. Если продержишься – через полгода мы отпустим тебя в Тайный Город.

«Свобода!» Во рту пересохло.

– Какие у меня гарантии?

– Заклятие обещания. – Женщина вытянула вперед правую руку. – Я клянусь своим сердцем, что сдержу данное тебе слово.

Она разжала кулак, и Дитрих жадно впился глазами в две черные фигурки. И почувствовал волну энергии! Это был настоящий артефакт и настоящее закливание. Честная сделка.

«– Ты хочешь сражаться на потеху челам?

– Свобода!»

Обо всем остальном можно подумать после, когда карательный отряд гвардии разнесет это осиное гнездо на составляющие, и Чио будет лежать...

Дитрих накрыл ладонь женщины рукой, почувствовал, как впилась в кожу фигурки, накрепко связывая рыцаря и матушку старинным магическим ритуалом.

– Я беру твоё слово и согласен выполнить все, о чём ты меня просишь! Я обязуюсь сражаться с твоими воинами в течение шести месяцев и клянусь своим сердцем, что сдержу данное тебе слово.

Как же приятно держать в руке настоящий артефакт! Как же приятно чувствовать волны энергии. Пусть чужая – челы использовали силу Колодца Дождей, – но всё равно магия.

– Я беру твоё слово. – И снова чарующая, но ничего не выражающая полуулыбка. – Мы договорились, Дитрих.

Одна из фигурок перекочевала в ладонь чуда. Рысь фыркнула и отвернулась.

– Когда будет драка?

– Очень скоро. – Чио внимательно посмотрела на пленника. – Не волнуйся, рыцарь, очень скоро ты сможешь вновь создать боевой аркан.

\* \* \*

## **Акватория Карибского моря,**

**18 сентября, четверг, 19:07 (время местное)**

– Клад найти, разумеется, интересно, но особого ума этот процесс не требует, – благодушно разглагольствовал Юрбек, любовно перебирая старинную золотую цепочку. – Дело случая.

Ушлые антиквары переписали, зафотографировали и сфотографировали все изделия, передали помощникам право взвешивать слитки и, расположившись за самым удалённым столиком ресторана, предложили наемникам «немного поболтать».

– Уйбуй Копыто как-то на улице кошелек с тремя тысячами подобрал, – поддержал компаньона Кумар. – И пропил все деньги за вечер, клянусь циррозом Спящего.

– Не самое уместное сравнение, – буркнул Кортес, потягивая ледяной коктейль.

– Но главную идею Нугар передал верно, – продолжил Томба. – Найти клад и реализовать его по-умному две большие разницы. У многих с этим возникают проблемы.

– С умом?

– И с умом, – кивнул Юрбек. – И с реализацией.

– На этот счет не волнуйся, – проворчал Артем. – У нас никаких проблем нет: выкопали – продали – забыли.

– Тоже мне Юлий Цезарь, – усмехнулся Кумар.

– Сынок, – Томба поднес цепочку к самому носу, вследствие чего в его тоне появилась несвойственная нежность. – Сынок, не испытывай на прочность мое доброе отношение и желание выволить вас из той пучины соблазнов, в которую вы угодили.

– Мы понимаем, что вы не в себе от радости, но это не должно мешать вам думать.

– О прибыли и об ответственности перед поколениями.

– Перед чем?! – поперхнулся Кортес.

– Это не от жары, – твердо произнесла Яна. – Они весь день провели в тени.

– В нашем золоте копались, – добавила Инга. – Может, оно заразное?

– Тараканы забегали? – Артем многозначительно постучал пальцем по лбу.

– Наши тараканы. Хотят бегать – пусть бегают, – отрезал Юрбек. – И не надо меня перебивать, я уже не в том возрасте. – Шас недовольно поджал губы. – Значит, так, почти треть груза нашего галеона составляют...

– Нашего, – поправил Кортес. – Нашего галеона.

– Я так и сказал, – невозмутимо ответил Юрбек. – Так вот, почти треть груза нашего галеона составляют культурные ценности. Древние культурные ценности, за которые можно выручить хорошие деньги. Или ты собирался продавать их на вес?

– Не дожدهшься.

– И в мыслях не было. Ты хоть и Кортес, но не испанец. Я, конечно, не очень силен в человеческих семьях, но мне кажется, что твои соплеменники более... цивилизованны, что ли.

– Не зря же они живут рядом с Тайным Городом, – пробормотал Нугар. – Пообтесались в приличном обществе.

– Судя по витиеватым речам, вы нацелились на изрядный кусок нашего пирога, – протянул Кортес. – Предупреждаю сразу – зря.

– Вот у меня в руке цепочка, которую создали задолго до того, как Колумбу пришла в голову бредовая мысль проложить западный путь в Индию. Создали с любовью и завидным мастерством.

– Любой музей мира пойдет на все, чтобы заполучить ее, – вставил Нугар.

– Это я понимаю.

– Но как правильно воспользоваться случаем?

– Ты можешь продать свою коллекцию Торговой Гильдии, но фактически это будет продажа на черном рынке. Прибыль, конечно, неплохая, но ведь можно заработать больше.

– Устроить ажиотаж? – догадался Артем.

– Сообразителен, – оценил Юрбек. – Не был бы ты таким грубым, обязательно предложил бы тебе место приказчика.

– А налетчики твоей лавке не нужны?

Томба вздохнул.

– После того, как трюм опустеет, мы организуем обнаружение галеона человеческими туристами, – перехватил эстафету Кумар. – Бросим здесь пару золотых побрякушек для затравки и устроим большую шумиху в газетах.

– Все узнают, что ценности сохранились, но кто-то успел первым, – понял Кортес.

– Затем объявляется кладоискатель. Ты...

– Не я.

– Хорошо, инкогнито или просто подставная фигура. Это можно обсудить.

– В качестве подтверждения вытаскиваем на свет божий пару статуэток, проводим масштабную рекламную кампанию и устраиваем аукцион в планетарном масштабе.

– Для такого проекта нужен опытный менеджер, – усмехнулся Кортес. – Имеющий связи в антикварном бизнесе.

– Считай, что он у нас есть. – Юрбек ободряюще улыбнулся. – Всего за тридцать процентов от прибыли я сумею отложить самые неотложные дела и заняться этой авантюрой.

Наемники вежливо посмеялись. Шасы были специалистами по изящным деловым операциям, но согласиться на их первоначальные условия могла только голова, украшенная красной банданой. Кортес допил коктейль, получил от вездесущего официанта еще один бокал и мягко протянул:

– Друзья, не знаю, заметили вы или нет, но вон в тех ящиках, помимо подлинных изделий, находятся несколько тонн золота в слитках.

– Настоящее золото инков, – добавила Яна.

– Любая экспертиза подтвердит, что его извлекли из земли в те самые времена, когда пьяные конкистадоры еще болтались в Кастилии, – не осталась в стороне Инга.

– А потом оно долго-долго лежало в море, – подытожил Артем. – Вы ведь не случайно собирались купить его оптом?

– Приложим чуточку магии, и никто не сможет определить, что оно обработано буквально на днях, – продолжил Кортес. – Затем все ювелиры Тайного Города забывают о выходных и праздниках, спят по часу в сутки и через неделю превращают слитки в статуэтки, цепочки, ритуальные ножи...

– И прочие культурные ценности.

– Потомки, перед которыми мы чувствуем ответственность, просто счастливы.

– Объяснить ваш азарт чем-нибудь другим я не могу.

– Мы колдуны, сынок, – напомнил Юрбек. – Наляпать поддельных цацок для нас не проблема.

– Угу, только правильная имитация золота потребует такого количества магической энергии, что прибыль составит пять, максимум десять процентов. Для Торговой Гильдии это неприлично.

– За кого ты нас принимаешь?

– Ты хочешь, чтобы я извинился?

– Да, – кивнул Юрбек. – Хочу.

– Хорошо. Я извиняюсь. Я принимаю ваше предложение и согласен на ставку в тридцать процентов от прибыли... Но золото в продажу не поступает.

– Что ты с ним будешь делать?

– Положу в хранилище и выставлю магическую охрану. Согласны?

– На тридцать процентов?

– Угу.

– Я, если вы не в курсе, не продавец хот-догов, а один из директоров Торговой Гильдии, – с достоинством сообщил Томба. – Я не могу себе позволить работать за копейки.

– Тогда поговорим как взрослые. – Кортес отставил бокал, а остальные наемники заинтересованно придвинулись к шасам. – Настоящие побрякушки мы реализуем по вашей схеме, но вся прибыль останется у нас. А вот в маленькой аванюре с подделками, откуда мы получим основные деньги, вы поучаствуете. За любимые вами тридцать процентов.

– Не выкручивай нам руки, – нахмурился Кумар. – Не забывай, что только мы можем воплотить в жизнь эту схему.

– К тому же мы все равно не сможем переделать в изделия все слитки, публика просто не поверит, что испанцы забили трюм исключительно побрякушками.

– Тогда это было не в моде.

– При правильно проведенной рекламной кампании об этом никто не задумается, – махнула рукой Яна. – Не мне вас учить.

Шасы переглянулись.

– Согласны?

– Пятьдесят на пятьдесят, – промямлил Юрбек. – Пусть все будет честно.

– И все расходы за твой счет, – с невинным видом вставил Нугар.

– Если пятьдесят на пятьдесят, то и расходы пополам, – отрезал Кортес.

– Ладно. – Томба посмотрел на золотые ящики другим взглядом, хозяйским. – Согласны. Теперь надо уладить некоторые юридические вопросы, вдруг законы местного племени запрещают поиск кладов...

– На этот счет не волнуйся, – неожиданно заявила Инга.

Шасы удивленно посмотрели на рыжую.

– Вы уже все уладили?

– Обычно кладоискатели не столь предусмотрительны.

– Остров является собственностью компании «Неприятные Ощущения», – четко произнесла девушка. – Сделка зарегистрирована во всех местных инстанциях и оплачена полностью, включая необходимые взятки туземным чиновникам.

– Ты купила остров? – Представители Торговой Гильдии изумленно вытаращились на Ингу. – Зачем?

Наемники выглядели не менее ошарашенно.

– Бизнес, – пожал плечами рыжая. – Или вы думаете, что я придиралась к установке «Изабеллы» исключительно из эстетических соображений? – Девчонка явно наслаждалась произведенным эффектом. – После того, как мы официально обнаружим галеон, здесь сразу же начнется строительство небольшого, но очень комфортабельного отеля, главной приманкой которого, помимо, так сказать, натурального памятника «Изабелле», – Инга кивнула на возвышающийся на рифах корабль, – будут еще несколько галеонов. Я разговаривала с приставами: за небольшую долю они готовы подтянуть к окрестностям острова еще три затонувших корабля. Золота, разумеется, на них нет, но для любителей подводной экзотики это не столь важно. А поднятый вами ажиотаж обеспечит отель клиентами на ближайшую сотню лет. – Рыжая пригубила коктейль. – Ну как?

Родители малолетней ведьмы были обеспеченными людьми, но, по общему мнению, отец Инги, талантливый хирург, вряд ли бы сделал состояние без деловой хватки Марты Волковой. Рыжая удалась в маму не только цветом волос.

– Почему ты не говорила об этом? – поинтересовался Кортес.

– Хотела сделать сюрприз.

– Он получился. – Наемник покосился на вытянувшиеся лица шасов и весело прищурился: судя по всему, Инга обошла оборотистых дельцов на повороте. – Вы, ребята, не хотите вложить в предприятие пару монет?

– Мы подумаем, – выдавил Юрбек.

Яна одобрительно потрепала подругу по голове.

– И еще подумайте над тем, чтобы выставить на аукцион всякое барахло, – попросил Артем. – Золото мы и так продадим.

– Может, ты мне еще лекцию по экономике прочтешь? – язвительно осведомился Юрбек. – Ерунда пойдет в первых лотах: сувениры с корабля, пушки, кстати, сколько их там?

– Сорок шесть.

– Тридцать можно смело продать. Для украшения острова хватит и шестнадцати...

– Кому они нужны? – удивилась Яна.

– Я сам куплю парочку, – улыбнулся Нугар. – У входа в особняк поставлю.

– Абордажные сабли, кортики, мушкеты, кирасы, шлемы, – продолжил перечисление Томба. – Делать деньги на золоте кто угодно сможет, надо учиться добывать прибыль отовсюду. Кстати, прикажите Красным Шапкам вытащить на песок пару пушек, пусть дети поиграют.

– Только не давайте им порох и ядра, – попросил молчавший до сих пор Сантьяга.

– Салют будет вечером, – напомнил Юрбек. – До тех пор Биджар гарантирует тишину.

– Это замечательно.

Комиссар появился на острове пару часов назад. Некоторое время он посвятил изучению «Изабеллы», не отказав себе в удовольствии спуститься в трюм и посетить пару кают, а затем устроился в шезлонге в двух шагах от столика и, потягивая освежающий коктейль, с интересом прислушивался к разговору шасов и наемников.

– Пушки без пороха нам не нужны!

– Что?

Маленький, лет восьми, черноволосый мальчишка упрямо склонил лобастую голову.

– За кого вы нас принимаете? Или дайте пушки с порохом, или сами в них играйте!

– Откуда это взялось? – поинтересовался Кортес.

– Вакар, сынок, беги искупайся, – буркнул Юрбек. – Не мешай.

– Мне надоело купаться! Можно посмотреть статуэтки? Они золотые? Сколько стоит вот эта? Папа, ты уже определил нашу долю?

Как шутили эрлийцы, если перед роженицей положить несколько монет, маленькие шасы выбирались на свет гораздо оперативнее.

– Скажите, Вакар, откуда это у вас? – Неожиданно для всех Сантьяга указал на грязноватый комок разноцветных веревочек, который малец держал в руке. – Я ошибаюсь, или на них действительно есть узелки?

– Есть, – подтвердил мальчишка.

– Где вы их взяли?

– На галеоне, разумеется, – Вакар, похоже, удивился глупому вопросу. – Кортес разрешил нам взять по одному предмету бесплатно... в рекламных целях, как я понимаю.

Наемник закатил глаза.

– Кортиков и пистолетов на всех не хватило – арсенал закрыт, а в каютах много не найдешь.

– Пришлось брать что есть.

– А куда деваться? Бесплатно ведь.

– Понимаю ваше разочарование, – искренне вздохнул Сантьяга, расслабленно откидываясь на спинку шезлонга. – Сувенир оказался не самым привлекательным.

Нав, как казалось присутствующим, потерял всякий интерес к разговору. Тем не менее паренек не уходил. Он скептически оглядел свою находку, затем – весьма подозрительно – длинную фигуру Сантьяги, блаженно впитывающую лучи тропического солнца, и рискнул задать вопрос:

– А какой сувенир достался вам?

– В том то и дело, что никакой, – грустно ответил нав. – Когда я оказался на галеоне, унести с него можно было разве что мачты... К сожалению, Кортес не позволил мне это сделать.

– Папа не раз говорил, что он жадный.

Артем фыркнул.

– Я воспитал у ребенка уважение к тебе. – Юрбек покосился на Кортеса. Тот понимающе кивнул, не спуская глаз с Сантьяги.

– Значит, сувенира нет, – попытожил малец.

– Но я могу купить ваш.

Безразличный тон, которым комиссар сделал свое предложение, никого в заблуждение не ввел: и наемники, и шасы дружно вытаращились на кучку антикварных шнурков.

– А зачем вам эти веревки?

– Видите ли, Вакар, – терпеливо продолжил Сантьяга. – Мне тоже хотелось бы привезти отсюда какой-нибудь сувенир, но меня не увлекают сабли и... гм... пистолеты. Ваша находка показалась мне достаточно скромной и в то же время необычной...

– Необычные вещи стоят дорого, – перебил нава мальчишка. – Папа говорит, что на необычных вещах легко сделать четыреста процентов.

Кортес хлопнул Юрбека по плечу и многозначительно округлил глаза.

– Но ведь вам эти веревочки достались совершенно бесплатно, – улыбнулся комиссар. – А четыреста процентов от ничего и будет ничего. Но я могу вам предложить, допустим, сто...

– Я, между прочим, прогулял школу, а это чего-нибудь да стоит, – доходчиво объяснил Вакар. – Знаете, сколько платит папа за мое обучение?

– Догадываюсь, – кротко кивнул Сантьяга.

– Школу прогулял, два урока английского прогулял, два посещения бассейна прогулял... – продолжал загибать пальцы малолетний вымогатель. – К тому же папа оплатил мою поездку...

– Я все понял, – беспомощно выставил ладони комиссар. – Сколько?

– ... и за жалкую сотню я никогда не расстанусь со столь необычной находкой! – Мальчишка ласково прижал к груди грязную связку разноцветных веревочек. – Пять тысяч!

Артем уважительно присвистнул, Кортес крякнул, Сантьяга посмотрел на Юрбека, но шас демонстративно отвернулся. Скрывая, как все понимали, довольную улыбку – старого пройдоху переполняла отцовская гордость.

– Эти веревочки не стоят пяти тысяч, – после длительной паузы заметил нав. – И вообще, в моем представлении понятие «скромный сувенир» и эта сумма несовместимы.

– Тогда я побежал, – пожал плечами сын своего отца.

Но даже не сделал попытки сойти с места. Сантьяга тяжело вздохнул.

– Пятьсот?

– Мы с ребятами уже лазали на антикварные сайты, – поведал мальчишка. – Сабли, которые они здесь нашли, стоят полторы тысячи минимум.

– Но это не сабля.

– Это гораздо лучше, – согласился Вакар, поглаживая узелки. – И такое необычное...

– Дай, я посмотрю. – Юрбек протянул руку к веревочкам.

– Три тысячи, – отрезал Сантьяга. – Или ищите себе другого покупателя. На размышление у вас... – Комиссар снял солнцезащитные очки и принялся неторопливо протирать стекла.

Мальчишка бросил на отца умоляющий взгляд, Юрбек брезгливо оглядел грязный пучок веревок. Он явно не понимал, за что нав собирается платить такие деньги, но решение следовало принимать быстро: Сантьяга заканчивал чистить второе стекло, и Томба угрюмо кивнул.

– Я согласен, – выдохнул Вакар и потребовал: – Наличными!

– У меня нет с собой таких денег, – развел руками нав. – Но я при свидетелях...

– Папа говорил, что вам все верят на слово, – кивнул Вакар. – Но со мной этот номер не пройдет.

– Почему?

– Я еще слишком маленький.

– Вы себе льстите. – Сантьяга вытащил из бумажника черную карточку «Тиградом» и протянул ее мальцу. – Идите в ресторан и переведите три тысячи, куда вам заблагорассудится.

– Вот это другой разговор!

Вакар схватил пластиковый прямоугольник и, бросив на колени комиссара грязную связку, припустил в заданном направлении.

– Хороший у вас сын, Юрбек, – сдержанно похвалил Сантьяга. – Достойный.

– Темный Двор может не волноваться за процветание Торговой Гильдии, – натянуто рассмехался Томба, не спуская глаз с приобретенного комиссаром комка. – А все-таки, комиссар, что это такое?

– Кипу, – спокойно объяснил нав. – Таким образом инки хранили информацию.

– Значит, здесь что-то записано? – прищурился шас.

– Шифр кипу считается потерянным, – припомнил Кортес.

– Совершенно верно, – согласился Сантьяга. – Конкистадоры искали золото, а не знания. И не потрудились понять, с какой культурой имеют дело.

Он глотнул коктейль и увлеченно посмотрел на грязные веревочки.

Неузнаваемый остров учился быть модным курортом: прибрежные воды рассекали гидроциклы и скутеры, шоу, тщательно подготовленное концами, набирало обороты, угрожая затмить своим блеском бразильский карнавал, взмокшие официанты едва успевали обслуживать посетителей ресторана.

– Темка, надеюсь, ты не считаешь, что отпуск испорчен? – Инга заглянула в глаза Артема.

– Ни в коем случае. – Наемник притянул девушку к себе. – Эти дни были великолепны.

– А завтра домой, в холодную Москву, – грустно улыбнулась Яна.

– Сегодня. – Кортес сложил телефон. – Мы с Артемом уедем раньше.

– Что случилось?

– С нами хочет поговорить очень интересный чел.

\* \* \*

## Ленинградская область,

**18 сентября, четверг, 23:53**

Старое кладбище, чудом уцелевшее до наших дней, пряталось в небольшой роще, за которой начинался густой и мрачный лес. Когда-то, давным-давно, когда страна жила совершенно другой жизнью, владельцы ближайшего поместья хоронили на этом погосте своих родственников, тщательно ухаживая за богато украшенными могилами. В те времена к кладбищу вела заботливо протоптанная дорожка, а среди деревьев рощи не встречалось высохших или больших экземпляров. В те времена...

Бурные перемены не обошли стороной владения большого дворянского рода. Поместье, прославившееся огромным трехэтажным домом, еще не дворцом, но уже не хижинкой, некоторое время прослужило дачей для мальчиков из Смольного, но во время очередной попойки сгорело дотла еще в двадцатых годах. В сохранившихся постройках хотели было оборудовать колхозный коровник, да закрутились, а там фашист пришел, потом целина... в общем, некогда. А когда опомнились, выяснили, что сгнили добротные строения без хозяйского присмотра. Ну, сгнили, и ладно. Кладбище же сначала тихо приходило в запустение, печально взирая на свинцовое прибалтийское небо роскошными памятниками, а затем, по мере того как новая власть размывала моральные устои туземцев, начало подвергаться разграблению. Первой жертвой стала узорная чугунная ограда с воротами, затем стали разворовывать гранитные и мраморные плиты, а однажды присланные в колхоз шабашники по пьяни раскопали четыре могилы, надеясь стянуть с дворянских скелетов украшения. Тащили все, что могло пригодиться в хозяйстве, но некоторое время назад разграбление приостановилось, притормозив перед самым сложным и аппетитным: огромным склепом, венчающим композицию родового погоста. Разворотить его на камни было несподручно, слишком уж хорошо потрудились строители, мужики было договорились с мотористами, обещавшими свернуть громадину спецтехникой, да передумали.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.